

18+

О. А. МАЛЫШЕВА

АЛАЯ ЗАРЯ

О. А. Малышева

Алая заря

«Издательские решения»

Мальшева О. А.

Алая заря / О. А. Мальшева — «Издательские решения»,

Тяжелый груз воспоминаний, как кошмарный сон, преследует меня долгие годы. Вспышки яркого пламени, крики, запах гари — все это возвращается ко мне каждую ночь, безжалостно разрывая душу на части. Я был всего лишь ребенком, когда потерял все. Но я выжил и научился жить с болью, научился жить без любви и семьи. Я монстр, но я все еще помню их лица, голоса и тепло маминых рук. И я никогда не забуду чья кровь во мне течет.

Содержание

Глава 1. Кровавая ночь	6
Глава 2. Блеввер	24
Глава 3. Портабелл	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алая заря

О. А. Малышева

© О. А. Малышева, 2026

ISBN 978-5-0070-1328-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мир вокруг, казалось, померк и превратился в безжизненную пустошь. Мне было всего восемь лет, когда я остался один на один со своим горем, осиротевший и брошенный на произвол судьбы.

Мы жили в Шаудэне, старом и унылом городе на берегу моря. Дома были ветхими, улицы грязными, а люди — мрачными, словно отражение этого города. Шаудэн был пропитан атмосферой тоски и отчаяния, и даже прекрасные морские просторы, которые являлись кормильцем города, не могли вдохнуть в него жизнь.

Каждый второй юноша, рождённый в Шаудэне, с достижением пятнадцатилетия отправлялся покорять морские просторы, оставляя позади отчий дом и надежду на счастливую жизнь. Многие возвращались, но большую часть поглощала морская пучина, болезни или столкновения с пиратами. Море с жадностью забирало их души в знак признательности за свои дары.

Мой отец был тихим, замкнутым человеком, и всё своё свободное от работы время он проводил в своём кабинете. Он был морским страховым брокером, одним из тех, кто предусматривал различные морские и не морские опасности: нападение пиратов, арест и конфискацию судна какими-либо королями, принцами или народами, вне зависимости от их национальности, злоумышленные действия капитана и команды, а также все другие потери, убытки и несчастья, которые могли произойти с грузом, судном или их частью.

Я хотел бы рассказать вам больше о моём отце, о том, каким он был человеком. Но мои воспоминания о нём тусклые, словно выцветшие портреты. Я помню его силу, его решительность, его любовь к маме, ко мне и к моей сестре. Я помню, как он рассказывал мне истории из своей жизни, о своих приключениях и опасностях. Он хотел, чтобы я стал страховщиком и продолжил его дело. Но я не всегда понимал его уединённый образ жизни и не желал скрываться от людей, как отец, который выходил из дома исключительно ночью и принимал клиентов в своём кабинете с плотно зашторенными окнами.

Я был всего лишь ребёнком, когда потерял всё. Но я выжил и научился жить с болью, научился жить без любви и семьи. Я всё ещё помню их лица, голоса и тепло маминых рук. И я никогда не забуду, чья кровь во мне течёт.

Глава 1. Кровавая ночь

Случилось всё поздней ночью. Окутанная густым мраком, она спустилась на город, укрывая его звёздным одеялом. Я спал безмятежно, погружённый в мир детских грез. Внезапно, словно гром среди ясного неба, меня разбудил взволнованный голос матери. Она, вся в слезах, подбежала к моей постели, сжала меня в объятиях и, срывающимся голосом, зашептала:

— Адам, мальчик мой, просыпайся скорее!

Её слова, полные паники, были непонятны мне, ещё не отошедшему от сна.

— Поторопись, Вивьен! Они уже близко! — раздался испуганный крик отца. Я, ошарашенный, приоткрыл глаза и увидел, как мать спешно одевается, её пальцы дрожат, а взгляд полон ужаса. В этот момент я услышал оглушительный грохот: удары кулаками о дверь, треск разбиваемого стекла. Через мгновение дом наполнился людьми, которые громко кричали и яростно крушили мебель. Ужасные звуки оглушили меня, и я инстинктивно зажал уши ладонями.

Холодные пальцы мамы сжали мое тонкое запястье и выдернули из постели. В другой руке она крепко держала мою младшую сестру, Лили, которая истерично плакала, и её личико было красным от слёз. Именно этот образ — её красное, заплаканное лицо — запечатлелся в моей памяти, как будто застыл навечно.

— Ты не скроешься, Дамиан! Будь ты проклят! И вся твоя дьявольская семейка вместе с тобой! — рычал грубый, незнакомый мне голос.

Мать, не оглядываясь, тащила меня за собой, пока мы не скрылись в комнате прислуги. Там мы вжались в угол, затаив дыхание, не зная, что делать дальше. Страх сковал меня, я чувствовал, как моё сердце колотится в груди, словно бубен.

— Они убьют нас, госпожа, молю вас, бегите немедленно! — вскричала Бетти, наша служанка, и её голос дрожал. Она была в панике, а глаза были полны ужаса.

Не дожидаясь ответа, Бетти бросилась к окну. Через секунду она распахнула тяжелые портьеры, которые мы плотно занавешивали каждое утро. Портьеры тревожно зашевелились от ворвавшегося в комнату ветра, когда она раскрыла ставни. Бетти уставилась вниз, затем на плотную ткань портьер, её взгляд был полон озабоченности. Она размышляла о чём-то, а я не понимал, что происходит.

— Уйди с дороги, Дамиан! И, возможно, твою жену и отпрысков ждёт помилование в виде быстрой смерти. А ежели противиться станешь, хуже будет, — грозил голос за дверью.

— Лучше убирайтесь... — прозвучали слова отца, его голос был твёрд и решителен. Он стоял у двери в комнату, как несокрушимый щит, защищая нас от зла. Он не боялся ворвавшихся, разъярённых жителей с вилами, косами и огнём и не поддавался их угрозам. — Ты ошибаешься, Стефан. Твои доводы не подкреплены фактами. Отведи людей от моего дома, и мы забудем об этом дне, как о страшном сне, — добавил отец.

Я видел тень ног моего отца в щели между полом и дверью. Тень исходила от факела, который держали в руках разгневанные жители города. Мама крепко схватила меня за руку и потащила к окну. Я волочился за ней, не в силах отвести глаз от теней и заплетаясь в собственных ногах. Потом я часто вспоминал об этом моменте и мечтал вернуться в тот день, чтобы наказать обидчиков.

Тяжёлая портьера не хотела поддаваться, цепляясь за ржавые крючки. Бетти, хмурясь от напряжения, ухватилась за край ткани обеими руками и резко дёрнула. Вивьен, понимая без слов мольбу о помощи во взгляде девушки, кинулась к ней на помощь. Совместными усилиями им удалось сорвать ткань с петель.

Бетти, не раздумывая, обвязала моё тело одним из концов материи, крепко зафиксировав меня. В её глазах, полных решимости и страха, читалась готовность защитить меня любой ценой. Я смотрел на неё, с трудом сдерживая рвущиеся наружу рыдания.

За дверью же нарастал хаос. Слышны были разъярённые крики: «Убить кровопийцу!», «Сжечь его логово!». Моё сердце колотилось в груди, как бешеное, а в голове проносились ужасающие картины.

Я отчаянно искал глазами знакомую тень отца, но тщетно. В этот миг человеческие голоса сменились жутким рыком, нечленораздельным ругательством и звуками ударов. Мой отец, в одиночку, сражался с обезумевшей от ярости толпой, вооружённой до зубов. Один против всех...

Яростный рык отца пронзил тишину, и темнота на мгновение заполонила зазор между дверью и полом. Крик исказился из человеческого в нечто большое и опасное. Люди на секунду замерли, а затем с новой силой обрушились на него. Визг, стоны, хруст костей — всё слилось в единую какофонию ужаса.

— Нет! Дамиан! — вскрикнула Вивьен, и слёзы хлынули из её глаз. Рыдая, она бессильно опустила на колени, обхватив голову руками.

В щели под дверью мелькнул тёмный силуэт, крушащий всё на своем пути. Прозвучали выстрелы из мушкетов, и, наконец, наступила зловещая тишина.

— Скорее, Адам! Я спущу тебя! — Бетти, хватая меня за плечи, рывком подвела к подоконнику. — Не бойся, малыш! Я помогу тебе! Держись крепче!

Слёзы застилали мне глаза, но я послушно сел на подоконник, перекинул ноги и крепко ухватился за ткань. Бетти осторожно начала спускать меня вниз.

В этот момент с треском распахнулась дверь, и раздался громогласный голос: «Хватайте мальчишку! Они уходят!»

— Нет! — закричала мама.

Выстрел оглушил меня на некоторое время. Пронзительный крик маленькой Лили вернул меня к реальности. Бетти, искажённая ужасом, оглянулась назад.

Я смотрел на неё, моля о помощи, но слов не находилось. В этот кошмарный момент мир вокруг меня рухнул. Она испуганно посмотрела на меня, когда прозвучал очередной выстрел, и что-то окропило моё лицо, заставив на секунду зажмурить глаза. Руки Бетти ослабли.

— Бетти, — дрожащим голосом прошептал я, и портьера со стремительным свистом заскользила вниз, а вместе с ней и я.

Падение было таким сильным, что я думал, все кости в моём теле переломаны, а голова расколота. Дальше в моей памяти были вспышки света и огни бегущих по мостовой людей с факелами. Чьи-то грубые руки схватили меня, лишая возможности двигаться. Я чувствовал, как меня связывают канатом, бросают в телегу, и она с грохотом катит по мощёным улицам. До этого я часто любовался ярмарками, проходившими на центральной площади. Окна нашего дома выходили на неё, и в пасмурные дни мы с матерью наблюдали за суетливыми людьми, повозками и торговцами. Но сейчас всё было по-другому. Темнота, сырость, пропитанный порохом воздух, запах тины, гнили и дыма. Словно сочувствуя моему горю, начался дождь, и холодные капли стекали по моему лицу, перемешиваясь с солеными слезами. Я открыл глаза, услышав как плачет мама. Обернулся и увидел наш дом, объятый пламенем. Оттуда доносились душераздирающие крики, и я понял, что внутри сгорают заживо мои родные люди, те, кого я так сильно люблю. Я смотрел на яркое пламя, освещающее половину улицы, и забыл, как дышать. Воздух сгустился, в горле пересохло, я задыхался от страха.

Телега скрипнула, и грубые руки с силой швырнули меня на холодные камни мостовой. «Чем я заслужил такое обращение?» — пронеслось в моём детском сознании. Я не мог понять, почему люди, которых я раньше видел улыбчивыми и добрыми, вдруг стали злыми и жестокими. Толпа окружила меня, крики, свист, угрозы, как град, ударили по моим ушам. Дождь

усиливался, превращаясь в ливень, грозя затушить факелы в руках разъярённой толпы. Я поднялся на ноги, сам удивляясь своей силе, и вглядывался в мерцающие озлобленные лица. На секунду мне показалось, что они боятся. Боятся меня? Или чего-то другого?

— Вот! Дьявольское отродье! Стоит перед нами! И что заслуживает это грязное существо? — прогремел голос, который я слышал ещё в доме. Это был голос, который превратил мою жизнь в кошмар.

— Смерти! — закричали люди.

— Сжечь отродье!

Отродье? Что я сделал? Слёзы продолжали смешиваться с дождём, губы мои дрожали, тело сотрясалось от страха. Громила резко перевёл на меня налившиеся кровью глаза и ткнул в меня огромным топором.

— Смерть отродью! — прошипел бородатый мужчина с глубокими морщинами, прорезавшими его лицо. Он указывал на меня дрожащей рукой. — Привяжите мальчишку к столбу!

Меня грубо схватили, не давая возможности сопротивляться, и потащили к ветхому столбу, покрытому морской солью, на котором были растянуты старые рыболовные сети. Запах моря и рыбы ударил в нос, смешиваясь с ароматом свежего, но влажного воздуха.

— В обличии невинного дитя скрывается зло, которое будет мстить и убивать наших детей, как это делал его кровопийца отец! — проревел бородатый мужчина. На лице его красовался свежий шрам. — Мы не имеем права давать слабину перед злом и вынуждены провести суд над исчадьем ада! Ибо добро всегда побеждает зло!

Я не понимал, о чём он говорит, что я сделал не так, почему все ополчились на нас. Но все, кто стоял вокруг, соглашались с громилой, кивая головами, их лица искажались от гнева.

— Именем Господа я вынужден приговорить тебя к смерти, мальчик! — прорычал он.

В это мгновение небо над нами расколосось. Яркая молния рассекла его на две части. Мощный ветер с моря ударил в лицо, и, кажется, я увидел в небе взмах огромных крыльев, словно гигантская птица пролетела над нами. Толпа зашептала, потом затихла, оглядываясь вокруг. Громила, заметив напряжение, на секунду отвёл взгляд, его лицо исказилось каким-то странным страхом, но он быстро вернулся к своему первоначальному гневу.

Канат стягивал мои руки за спиной. Кровь из рассечения на лбу, полученного при падении, попала мне в глаз, и я часто заморгал, щурясь и пытаюсь рассмотреть то, что кружило в небе. Руки начали неметь от тугой веревки, перед глазами всё плыло.

И вдруг, из глубины толпы раздался истошный крик женщины, заставивший всех замереть и уставиться в темноту.

— Вампир!

Я попытался вдохнуть, почувствовав, как ноги подкашиваются. Мокрое от дождя тело скользило по столбу вниз, а рубашка задиралась.

Факелы, которые держали в руках люди, взметнулись вверх, освещая макушки голов и шляп. Толпа загудела, завизжала, как гигантский улей, в который залезла лапа медведя.

— Нет! Мы должны завершить начатое! — крикнул громила, но его слова уже не имели значения. Все были охвачены паникой, и даже сам он на секунду пугливо отступил назад.

Я попытался встать, но канат затянулся туже, не позволяя мне подняться и на сажень. В темноте, откуда раздался крик женщины, я увидел две красные точки — глаза, светящиеся в ночи, и услышал рычание, которое заставило мою кровь стынуть в жилах.

Люди в панике принялись метаться по площади, ища укрытие. В тот момент я разглядел его — исполина, чёрного как ночь, с громадными крыльями, которые, казалось, захватили весь небосвод. Его когти, грозные и острые, как лезвия, напоминали оружие древнего бога.

В долю секунды он приземлился, его суровый взор был направлен на громилу, стоявшего посреди площади. Мой несостоявшийся палач, мгновение назад исполненный отваги, превратился в дрожащее создание, чьи глаза, полные ужаса, смотрели на надвигающуюся кончину.

Чудище вонзило свои когти в его тело, обхватило его крыльями и, взмыв в небеса, унесло, оставляя на площади лишь пустоту и резкий, пронзительный вопль.

Паника усилилась, люди вопили, не понимая, куда бежать. Я, оглушённый падением из окна и потрясением от увиденного, сидел на мокрой мостовой, не в силах пошевелиться.

— Прячьтесь! — кричал кто-то справа.

— Где он? — прозвучал встревоженный голос.

— Взмыл в небо. Приготовьтесь к атаке! — отдал команду третий, в его голосе слышались отчаяние и страх.

Несколько вооружённых мужчин подняли мушкеты, готовясь к столкновению с ужасом. Но в этот миг громыхнул гром, и чудовище, похожее на гигантскую летучую мышь, снова спустилось с небес с кровавой зубастой пастью, угрожающе раскрытой.

Одним ударом лапы, монстр сбил с ног одного из вооружённых жителей.

— Огонь!

Двое остальных выстрелили, но их пули, будто капли дождя, не могли причинить вред этому чудовищу.

Вампир взревел, оборачиваясь в сторону стрелявших. С диким рычанием он кинулся на них, валя с ног. Я увидел, как ружья отлетели в сторону, и услышал резкие стоны и хруст сломанных костей.

Меня захватило странное чувство. С одной стороны — безудержный страх, с другой — неумолимая жажда жизни. Я даже попытался выпрямиться, и у меня почти получилось. Но в этот момент монстр уставился на меня своими красными глазами, полными злобы. Замерев, я замороженно глядел в его огоньки, чувствуя, как мое сердце стучит в груди с безумной силой. Монстр открыл пасть, и кровь полилась с острых клыков. Крадучись, он повернулся ко мне передом, выпрямился в полный рост, и его рост был поистине исполинским.

Поджарое тело чудовища, будто высеченное из дорогого камня умелым скульптором, было рельефным. Тугие мускулы напрягались при каждом его шаге в мою сторону. Я созерцал смерть как представление, и она уже не страшила меня.

В глазах вампира я увидел не ярость, а какое-то своеобразное пренебрежение. Он глядел на меня, как на муравья, пытающегося противостоять напору стихийного бедствия.

Холодный ливень хлестал по моему лицу, а сердце колотилось в груди, словно птица, отчаянно бьющаяся в клетке. Я не видел, как шевелится его рот, но его слова, подобно ледяным шипам, вонзались прямо в мой разум. От невыносимого ужаса я зажмурил глаза, ожидая удара когтистой лапы или смертельного укуса.

— Посмотри на меня! — приказал, пронизанный потусторонней силой голос, заставляя меня распахнуть веки. Прямо передо мной, в тусклом свете луны, всё ещё вырисовывалась фигура монстра с пылающими, как адское пламя, глазами. Он приближался, и с каждым шагом его облик претерпевал странные метаморфозы. Огромные крылья уменьшались, превращаясь в плащ, острые когти втягивались, а шипящий голос, будто исходящий из моих собственных мыслей, вновь прозвучал.

— В твоих венах течёт кровь, схожая с моей.

— Что?! — пробормотал я, чувствуя, как по спине пробегает ледяная дрожь. Преображение чудовища продолжалось: его звериное лицо постепенно обретало человеческие черты, превращаясь в облик молодого мужчины. Но внезапно эту жуткую трансформацию прервал залп выстрелов. Вампир, вскрикнув от боли, резко обернулся, и обращение пошло в обратную сторону, расправив крылья, он защитил моё хрупкое тело от града пуль. Его рык, полный ярости и звериной мощи, сотрясал землю, а молнии, будто повинувшись его приказам, начали разрывать ночное небо, освещая панический ужас в глазах людей, стрелявших в него.

В этот момент вампир, хватаясь за покосившийся столб, с силой обвил меня своим крылом, а острым когтем перерезал веревку, стягивающую мои запястья.

— Беги! — прорычал он, оттолкнув меня с такой силой, что я протаранил скирды сена.

Между вампиром и людским родом вспыхнула свирепая схватка. Не помня себя от ужаса, я вскочил на ноги и кинулся бежать, куда глаза глядят. Откуда взялись силы, — мне неизвестно. Ноги несли меня сами собой. Сталкиваясь с перепуганными жителями, я падал, вставал и бежал дальше, не смея обернуться. Выстрелы стихали, но отголоски битвы всё ещё звенели в моей голове.

Слова вампира о «моей крови» тогда не имели для меня никакого смысла. Лишь спустя годы я осознал их значение, открыв для себя тайну, дремлющую в моей родословной, тайну, связывающую меня с миром тьмы и вечной жизни...

Запутавшись в своих размышлениях, я не заметил небольшую деревянную доску, выступающую из общего настила, и споткнулся, грохнувшись на дощатый пол, покрывающий всю территорию порта. Удар носом о твердую древесину выбил из меня весь дух, я взвыл от боли, и в тот же миг чья-то рука схватила меня за плечо. Оглянувшись, я увидел подростка, не старше меня самого. Её лицо было перепачкано сажей, одежда разорвана и изношена. Она явно пыталась выглядеть как юноша, но её длинные черные косы, выбивающиеся из-под грязной шляпы, и тонкие черты лица выдавали в ней девчонку.

— Фелиция готовится к отплытию, — прошептала она, глядя на меня. — Корабль грузят рыбой и пушниной. Беги туда, мальчик, пробирайся на борт и спрячься в трюме.

Она стремительно отпрянула от меня и заглянула за угол, словно боясь быть увиденной. Затем она обернулась ко мне и, стиснув кулаки, грозно сказала:

— Беги! Встретимся там позже.

Я вскочил на ноги и, не раздумывая, бросился к кораблям, покачивающимся на волнах. В порту было пусто. Все, кто мог передвигаться, находились на площади, а теперь, после недавних происшествий, укрылись по домам. Остались лишь закалённые моряки, которым было абсолютно наплевать на местные драмы и линчевания.

Отыскать «Фелицию» оказалось не трудно. Среди трёх судов, стоявших у причала, она выделялась своей громадой и находилась чуть дальше от своих соседей. Там же, возле кучи мешков и ящиков, стоял боцман, отдавая распоряжения своим матросам.

— Кастор, Келер, шевелитесь, балбесы! — кричал он, размахивая руками. — Погода ни к чёрту!

— Такую погоду лучше пересидеть в корчме за чаркой эля, — ответил Келер, поправляя свою треуголку.

— Может, и правда переждать. Море волнуется, Риц. Как бы морской дух нас не поглотил, — прохрипел лоцман, оглядываясь на бушующие волны.

Боцман промолчал, лишь бросил взгляд на лоцмана Скаура, который стоял неподалеку, прислонившись к бочкам. Скаур служил на «Фелиции» уже шесть лет, был бывшим офицером, получившим серьёзное ранение в схватке с пиратским кораблём. С тех пор он не мог вернуться к службе, но, как выяснилось, и море не желало его отпускать. Риц встретил спивающегося офицера в очередной корчме и сразу разглядел в нём толкового мужика, прихватив его с собой на корабль и представив капитану.

Я притаился за грудой бочек, наблюдая за суетой, царящей на корабле. Огромный парус, скрученный на верхушке мачты, то и дело вздувался от ветра, грозя сорваться с креплений. Волны бились о борта корабля, брызги летели во все стороны.

Грохот грома и свист ветра, пробирающегося сквозь такелаж, не давали кораблю покоя. В эту ночь море гневало особенно, и команда, привыкшая к капризам стихии, всё же испытывала нештучное волнение.

Риц, утомлённый ненастьем и напряжённой работой, сплюнул на дощатый настил, смешивая табачную слюну с брызгами морской воды.

— Поговорю с капитаном, — пробормотал он, направляясь к трапу.

Капитан Рамос Кантор, мужчина с железной волей и пронизательным умом, являлся истинным морским волком. Его биография была крепко связана с историей «Фелиции». Он был третьим по счету капитаном этого судна, перешедшего к нему от отца, а до этого — капитаном был его дед. «Фелиция» была не просто кораблем, а семейной реликвией, в которую вкладывали душу и жизнь все три поколения.

Корабль повидал множество опасностей и приключений — штормы, пиратские атаки, повреждения и починку. Каждый капитан «Фелиции» оставил на нём свой отпечаток, вкладывая в него все свои средства.

Риц постучал три раза в дверь капитанской каюты, ожидая ответа. Раздался хриплый голос капитана: «Войдите».

Входя в каюту, боцман был встречен суровым взглядом Рамоса, который, не отрываясь, смотрел на него из-под нахмуренных бровей. В руке он держал трубку, клубы дыма от которой неспешно растворялись в воздухе.

— Погрузились? — басовитым голосом спросил капитан.

— Осталось совсем немного, капитан, — ответил Риц, снимая с головы мокрую треуголку. — Море беспокойно, команда беспокоится, как бы не угодить в пучину.

— М-м-м...

Капитан затаился трубкой и, поднявшись со стула, направился к окну, из которого открывался вид на бушующее море.

— Проверь, чтобы товар был полностью погружен. Отплывем на рассвете, — сказал он, не поворачиваясь к Рицу.

— Есть, капитан, — ответил Риц, кивнув и нахлобучивая треуголку на голову.

Холодный ветер пронизывал меня насквозь, а страх заставлял сердце колотиться в бешеном ритме. Я выждал некоторое время, прежде чем пробраться на корабль. Никто, казалось, не заметил меня, и я осторожно спустился в трюм, надеясь раствориться в полумраке. Воздух был спертый, пах сыростью и плесенью, и все эти «ароматы» вызывали у меня тошноту.

Я укрылся за мешками с зерном, поежившись от сырости на одежде и волосах. Вернее выразиться, вещи мои были насквозь промочены дождем, посему я снял штаны и рубашку, пытаясь выжать из них лишнюю воду. Холод от промокшей одежды пробрал меня до костей. Я дрожал всем телом, а зубы выбивали чечётку. Девочка, подсказавшая мне убежище, сообщила, что корабль готовится к отплытию, и это было единственное, что давало мне хоть какое-то утешение. Я ужасно боялся, что разъярённые жители решат меня отыскать, и если они догадаются обыскать суда, то моя жизнь будет обречена.

Прошёл час, потом второй, а никто так и не пришёл за мной. Я сидел, прижавшись спиной к мешкам, и пытался хоть как-то согреться. Корабль плавно покачивался на волнах, буря стихала, и бушующие волны перестали хлестать борта. Но спокойствие моря не смогло успокоить мой разум. Я снова и снова прокручивал в голове страшные моменты: глаза Бетти, кровь, окропившая моё лицо, крик матери, плач Лили, огонь... Ком подступил к горлу, и мне захотелось плакать. Слезы уже лились из глаз, и я вытирал их мокрой рубашкой, затем поджал ноги и обнял их руками.

Что теперь со мной будет? Каким будет мой путь? Пару раз в трюм спускался невысокий, широкоплечий мужчина. Он тщательно пересчитывал весь товар, заставляя меня изрядно понервничать. Но каждый раз рука судьбы отводила его от моего укрытия, и я оставался незамеченным.

Вампир... Он совсем вылетел из моей головы. Но как только я вспомнил о нём, в голове замелькали ужасающие картины: кровь, грязь, изувеченные тела и красные глаза-бусинки с клыками и огромными когтями.

Что он имел в виду, когда сказал, что во мне схожая кровь? Неужели я... Нет. Не может быть. Я человек, и я знаю это. Но есть множество пунктов, отличающих меня от людей. Например, мы никогда не гуляли днём по улице. Почему? Моя матушка говорила, что на ярком солнце у неё начинались мигрени, а отец всегда был занят. У меня не было друзей, как у любого другого подростка моего возраста, и мне просто не с кем было проводить время вне дома. Мы также не посещали балы и другие светские мероприятия, всё по той же причине, что у моей мамы болела голова от шума и музыки. Мы никогда не садились за стол вместе с отцом, работа вынуждала его есть на ходу или в кабинете за столом, заваленным кипами бумаг.

Было ещё кое-что, я чувствовал в себе невероятную силу и быстроту. Мои чувства обострились, а раны заживали с невероятной скоростью. Я всегда чувствовал себя... иным. И эти ощущения пугают меня больше, чем преследование разгневанных жителей.

Лишь сейчас я осознавал, почему наша жизнь так поразительно отличалась от жизни обычных людей. Только сейчас я начал догадываться о причине столь тайной жизни отца... Как объяснить своему сыну, что его отец не употребляет обычную пищу, а питается исключительно кровью?

Темнота трюма окутывала меня, когда я проснулся от протяжного свиста городского стражника. К моему удивлению, вещи, которые я прижимал к себе ночью, успели немного подсохнуть. Чувствовалось, что на улице происходило что-то неладное, и это явно было связано со мной.

Пронзительный свист разбудил Рица, дремлющего на полу корабля рядом с бочками наполненными пресной водой.

— Что опять? — проворчал он, хмуро нахлобучивая на голову треуголку.

Матросы уже вернулись на корабль и лениво слонялись по палубе, предвкушая скорое отплытие.

— Чего они носятся, как угорелые? — хмыкнул Келер, наблюдая за суетой гвардейцев, торопливо обыскивающих причал.

— Ищут кого-то, — зевнул Гракк.

— Надеюсь, не меня, — усмехнулся Кастор, подходя к товарищам.

Гракк окинул Кастора презрительным взглядом.

— Да сдался ты им, пресноводный моллюск.

Императорская гвардия рыскала по всему порту, не пропуская ни одного угла, ни одной забегаловки, ни одного судна, будь то утлое корытце или величественный галеон.

Когда трое гвардейцев приблизились к «Фелиции», матросы, сглотнув комок в горле, принялись судорожно припоминать, не натворили ли они ночью чего-нибудь предосудительного.

— Именем Его Императорского Величества мы имеем право обыскать этот корабль в связи с подозрением в укрытии врага короны! — громко заявил один из солдат.

Тяжёлые шаги Рамоса, подобно раскату грома, прогремели по палубе. Матросы, ощутив приближение капитана, расступились, словно волны перед Моисеем. Как только капитан миновал их, они снова сомкнулись, образуя живую стену.

Рамос, статный и суровый мужчина с седой бородой, остановился на краю трапа, свысока взирая на небольшую группу солдат императорской гвардии. Его взгляд был пронзительным и холодным, как северный ветер.

— Документы прежде предъявите, — пробасил он, опираясь одной ногой на первую ступеньку трапа.

Один из гвардейцев, молодой человек с суровым, сосредоточенным выражением лица, шагнул вперёд, прошёл по трапу и остановился перед капитаном. Он выдержал краткое молчание, давая понять, что не боится его делового вида и грозного тона. Затем, достав из-за пазухи свернутый в трубочку пергамент, он протянул его капитану.

— Тут всё написано. Ознакомьтесь, — произнес гвардеец, стараясь сохранять спокойствие.

Рамос, не спеша, взял бумагу, развернул её и пробежался глазами по строкам, написанным изящным каллиграфическим почерком. Капитан был известен умением читать людей не хуже, чем рукописи. Этот офицер — всего лишь пешка в этой игре, а настоящие решения принимаются в недрах дворца.

Когда взор Рамоса скользнул на подпись императора, он с явным отвращением возвёл тяжёлый взгляд на гвардейца. Желая прочесть в его глазах то, чего не смог найти в бумагах. Офицер не дрогнул, его лик остался безучастным, выражая только беспрекословную власть.

Рамос свернул пергамент в прежний вид и, бросив последний взгляд на мужчину, произнёс:

— Ну, что ж, прощу на борту.

Офицер, не медля, позвал своих солдат. Капитан уступил им дорогу, и его взгляд встретился со взглядом лоцмана Скаура, который понял капитана без слов и тут же направился вслед за гвардейцами, приступившими к осмотру палубы.

— Сюрпризов не будет? — спросил Рамос, обращаясь к боцману. Риц смачно сплюнул за борт и подбоченился, с прищуром глядя на гвардейцев.

— Не будет, если они в доковые расписки не полезут, — ответил он грубоватым голосом.

— Значит, будем импровизировать, — заключил Рамос, извлекая свою трубку. Он наполнил чашу табаком и поджёг его, с любопытством наблюдая за действиями гвардейцев. Его лицо оставалось безмятежным, но в глазах читалось некоторое недовольство.

Стуки грубых ботинок на палубе, эхом отражавшиеся в моём укрытии, были отчётливыми и пугающими до чёртиков. Каждая секунда казалась вечностью. Я слышал голоса людей, но не понимал ни слова из обрывочных фраз, доносившихся сверху.

Корабль, по-видимому, обыскивали. Случилось то, о чём я всё это время беспокоился. Чувство страха снова вернулось ко мне. Я огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы прикрыться, но не нашёл ничего, кроме старой рыболовной сети.

Прошло мучительных полтора часа до того, как свет утреннего солнца пробился через открывающийся люк и заставил меня вздрогнуть. Я почувствовал, как холодный пот скользнул по спине.

Первым спустился мужчина со шрамом на щеке. Его поношенный мундир напоминал военную форму, но был весьма старым. Он нёс масляную лампу, свет которой танцевал по стенам трюма, отбрасывая длинные, чудовищные тени. За ним спустился императорский гвардеец, форму которого я знал хорошо — отец рассказывал мне о войсках императорской армии. За ним следовал ещё один гвардеец и человек солидного вида с седой бородой и перстнями на пальцах. Скорее всего, это был капитан «Фелиции». Не иначе.

Они передвигались неспешно, их шаги отдавались глухим эхом в моих ушах. Мужчина со шрамом остановился, не доходя до меня метров на пять, его потускневший взгляд сканировал трюм. Гвардейцы с ожесточением приступили к осмотру, их движения были резкими и точными, как у хищников. Я вжался в сильно пахнущую рыболовную сеть, склонив голову на колени.

Свет от лампы блеснул в метре от меня, и я зажмурился, готовый к финалу. Стук сапог человека со шрамом прозвучал совсем рядом. Я выжидал. Моё дыхание замерло, тело окоченело, чувства затуманились от тревоги. Что меня ожидает впереди? Виселица? Неужели моя жизнь настолько ненавистна этим людям, что сам император отдал приказ меня найти?

Когда они подошли к моему углу, я открыл веки, чтобы взглянуть опасности в лицо, и мой взор столкнулся с пристальным взглядом капитана. Я непроизвольно ощутил надежду. Его тёмные глаза, как глубокие колодцы, наполненные непостижимым спокойствием, не сдвинулись с моего лица. Я узрел в нем мудрость и понимание, и, быть может, даже сострадание.

Гвардейцы, словно хищники, обнюхивали каждый уголок трюма, проверяя каждую бочку и каждую щель. Их начищенные мундиры и блестящие от полировки сапоги казались издевательски чистыми на фоне грязи и запаха трюма. Их лица, застывшие в масках бесстрастности, выражали лишь одно — жажду найти и наказать.

Внезапно один из гвардейцев направился в мою сторону, но вдруг остановился перед мужчиной со шрамом, который стоял у него на пути.

— Дезертир? — прорычал гвардеец, заглядывая в глаза человеку со шрамом.

— Ветеран, — твёрдо откликнулся тот. Он был высокого роста и глядел на гвардейца так, будто тот являлся котёнком, посмевающим укусить своего владельца за палец.

Гвардеец поджал губы, кивнул и стал приближаться ко мне. Однако дорогу ему перегородил капитан.

— Долго ещё будете тут рыскать? У меня товар портится. Сам посмотри, — бросил капитан, откинув крышку ящика с рыбой.

Лёд в ящике уже начал таять, и смрад стоял такой, что не всякий выдержал бы здесь и десять минут.

Гвардеец уставился на капитана, рискнувшего указывать правосудию, и с гордым видом подошёл так близко, что я уже был готов сдаться. Но капитан встал ко мне спиной, заслонив моё лицо от света лампы.

— А ну-ка предъявите мне документы на ваш груз, — процедил он сквозь зубы.

— Конечно. Они наверху, в рубке, — спокойно ответил Рамос.

Все они неспешно покинули трюм. Я выдохнул от радости, что капитан не выдал меня. Это было первым добром за этот день, и я был безмерно счастлив.

Гвардейцы покинули корабль после пары напряжённых часов обыска и проверки документов. Каждая деталь, каждый штамп подвергся скрупулёзному анализу. В итоге несколько тюков с товаром, не соответствующим таможенным правилам, были изъяты, а на часть груза наложен штраф. Тяжёлые мешки были погружены на телегу, отъезжая от «Фелиции», они унесли с собой частичку её благосостояния.

Капитан, глубоко вздохнув, затянулся трубкой, выдыхая терпкий дым и погружаясь в облако спокойствия. Тревога смешалась с неизбежностью, зависая в воздухе густым туманом.

— Надеюсь, это того стоило, — проговорил Скаур, глядя на удаляющиеся доки, когда «Фелиция» отплыла. Рамос, сжимая трубку губами и не глядя на лоцмана, направился в свою каюту.

К полудню «Фелиция», будто воспрявшая от сна, стремительно мчалась по волнам. Юго-западный бриз, взмахнув незримыми крыльями, подгонял её вперёд. Паруса раздувались, как символы нашей надежды, мечты и свободы, и корабль в бешеной гонке с ветром устремлялся вперёд.

В трюме, где я провёл несколько трудных часов, было по-прежнему душно. Запах рыбы и плесени начал меня душить. Я ощущал тошноту и слабость. Моё тело не хотело подчиняться, и я лежал, словно выброшенный на берег дельфин. Хотелось свежего воздуха, домой и чего-нибудь съесть.

На верхней палубе трудились кропотливые пчёлки-матросы. Они проверяли снасти, драли палубу, чинили ветхие части корабля. Их голоса, смех и шум от работы создавали непре-

рывный поток жизни. Эта мелодия проникала в трюм, напоминая мне, что жизнь всё-таки продолжается.

Мыши в углу пробудились, радуясь свежему зерну. Цепи и канаты колебались в такт движению этого мощного сооружения. Я слушал увлекательную песню, которую запели матросы на верхней палубе, вспоминая о девочке, которая так и не явилась. Возможно, она передумала? Или с ней что-то случилось?

В моём желудке бурлило неутолимое ощущение голода. Я подкрался к ряду тюков, располагавшихся неподалёку от меня. Они были плотно связаны и имели какие-то надписи. Я прощупал каждый, пытаюсь определить, что в них находится. Плотная ткань с трудом поддавалась, но я чувствовал разницу между зерном и чем-то мягким.

И тут я почувствовал сладкий запах яблок. Дрожащими руками я ослабил тесьму и просунул ладонь вовнутрь. Отыскав мягкие сушёные дольки, я вытащил пригоршню и с жадностью сунул их в рот, с удовольствием пережёвывая сухофрукты. С таким рвением я выпотрошил приличное число содержимого мешка, пока не ощутил, что у меня раздуло живот. Некоторое время я сидел на полу и думал о своей маме, о её тёплых руках и улыбке. Я вспоминал, как мы играли в салки и громко хохотали, бегая по дому. Как в эти мгновения мой отец выходил из кабинета и присоединялся к нам. Опять слёзы... Я начал рыдать, хотя мой отец однажды сказал, что мужчинам это несвойственно.

Неожиданно, прервав тишину, раздался скрип открывающегося люка. В трюм спустился всё тот же мужчина со шрамом на лице, идущим от лба до подбородка. В тусклом освещении шрам казался ещё более устрашающим, придавая лицу человека угрюмое и суровое выражение.

Я быстро перекатился за тюки, пытаюсь укрыться. Сердце билось в груди, а в ушах заложило от испуга. Задержав дыхание, я пытался не выдать своего присутствия. Но мужчина, словно ощутив недоброе, не торопился спускаться, застыв на верхней ступени.

Тишина повисла в воздухе, прерываемая звоном цепей и стуком моего сердца. Я не мог понять, почему он не идёт дальше, почему не слышно шагов. Приподняв голову, я решил проверить, где он, и в тот же миг ощутил, как меня схватили за шиворот.

Меня вздернули вверх, как куклу, и мой взгляд столкнулся с холодным, преисполненным презрения взглядом мужчины со шрамом.

— Подъедаешь припасы, щенок? — проворчал он, его голос был грубым, схожим со скрипом старого корабельного такелажа.

Я молчал, не в состоянии вымолвить ни слова. Горло сдавило петлёй воротника рубашки, и я опасался сделать хоть одно движение, страхась разозлить этого грозного человека.

Лоцман поставил меня на пол, и я тотчас хотел убежать, но он схватил меня за руку и потащил за собой. Когда мы поднялись на палубу, яркое солнце ослепило меня, и я непроизвольно прикрыл глаза, щурясь от боли. Вдобавок ко всему, мне пришлось выслушать издевки матросов.

— Набираем команду? — смеялся один из них.

— Большие нынче крысы развелись!

— Дайте мальчишке ведро и тряпку, пусть приступает к работе! — кричал другой, и все вокруг смеялись, глядя на меня.

Мы подошли к каюте капитана, и лоцман, не постучав, вошёл внутрь, толкая меня перед собой. Я был рад спрятаться от палящего солнца. Мужчина со шрамом развернулся и вышел, грубо хлопнув дверью, оставив меня наедине с капитаном.

Перемена освещения от яркого дневного к тусклому комнатному, опять доставила мне неприятное ощущение. Прищурившись, я пытался привыкнуть к полумраку каюты и поднял взор. Передо мной за столом сидел человек с суровым ликом, покрытым морщинами, и добрыми глазами.

Рамос Кантор внимательно осмотрел меня, будто перед ним стоял редкий экземпляр статуэтки. Затем он погладил свою густую, седую бороду и произнёс:

— Ну, здравствуй, злодей. Видать, знатно ты насолил императору, коль он свою свору на тебя натравил.

— Я всё возьму, обещаю, — прошептал я, надеясь, что он пощадит меня, почувствует моё отчаяние и готовность отплатить за спасение.

— Что возместишь? — Рамос вскинул брови, утомлённо прислоняясь к спинке кресла.

Он пристально глядел на меня, и в его взгляде, полном одновременно строгости и благодушия, я заметил частичку доброты. Интуиция подсказывала мне, что я попал в руки человека, который не только не выдаст меня преследователям, но и, вероятно, готов помочь мне выжить в этом несправедливом мире.

— Меня зовут Рамос Кантор. Я капитан «Фелиции», — тихим голосом произнёс капитан. — А у тебя есть имя?

— Да, — ответил я, немного смутившись. — Меня зовут Адам.

— Адам, — медленно повторил Рамос. — Ну, рассказывай, Адам, чем ты так не угодил императору?

— Я не знаю, — я пожал плечами.

— Ты не знаешь? — Рамос добродушно улыбнулся. — Половина населения Шаудэна знает, а ты — нет.

— Я правда не знаю, — искренне ответил я.

— Хорошо, — капитан улыбнулся. — Давай по порядку, как ты оказался на корабле?

— Прокрался в трюм под покровом ночи.

Я опять вспомнил о девочке, которая мне сказала, где укрыться, однако вслух о ней ничего не сказал.

— Почему тебе пришлось бежать? Ты явно не бродяга. Твоя одежда сшита из дорогой ткани, обувь без единой дырочки, ухоженные волосы. Кто твой отец?

Перед моими глазами промелькнул образ обеспокоенных глаз отца.

— Мой отец — брокер по морскому страхованию. Вернее, он был им.

Капитан молчал, а я поднял на него взгляд в надежде, что он мне верит. Брови Рамоса сдвинулись к переносице, и он скрестил руки на груди.

— Они пришли, когда мы спали, — продолжил я, и мой голос задрожал, слова давались с трудом. — Вломились в дом, их было много. Они громко кричали, ругались, крушили всё вокруг. А потом... — я запнулся, мой взгляд упал на пол, я не мог произнести то, что меня больше всего пугало.

Пережитое минувшей ночью опять вынудило меня содрогнуться. Я машинально взглянул на свои ладони, покрытые царапинами и ссадинами. Вспомнил падение из окна, боль, как меня связали и бросили в тележку, как везли по тёмной улице. А потом я вспомнил вампира. Его красные глаза и обнажённые клыки будто предостерегали, чтобы я держал рот на замке.

— Что-то ты не договариваешь, Адам, — холодно произнёс капитан. — Я хочу, чтобы ты уяснил кое-что. На этом корабле все подчиняются мне беспрекословно. Любые пакости, непослушание, а тем более враньё, строго наказываются. Ты готов выполнять всё, что я прикажу, и говорить мне всю правду?

Я кивнул, вообще я был готов на всё, лишь бы капитан не высадил меня в ближайшем порту.

— Тогда расскажи всю правду, — потребовал капитан. — Потому что через месяц мы вернёмся обратно в Шаудэн, и я должен быть уверен, что не попаду в неприятности из-за тебя.

Я вновь попытался перебрать в голове события прошлой ночи, но не мог понять, что ещё добавить к своему рассказу, чтобы капитан поверил моим словам. Образ вампира с его красными глазами вновь всплыл в моей памяти, путая мысли и буквально сковывая мой язык.

— Мой папа был морским страховым брокером и... — повторил я, но мои слова прервал напряжённый взгляд капитана. Рамос выпрямился, его движения были резкими, словно он внезапно вспомнил о чём-то очень важном. Он взял со стола свою трубку, достал спичку, подошёл к лампе, зажёл спичку, затем закурил.

Неторопливой походкой капитан вернулся к стулу, усаживаясь на него и с удовольствием делая долгую затяжку. Дым от трубки заполнил комнату, окутывая меня густым, вязким облаком.

— Наверное, ты меня плохо понимаешь в силу своего возраста, но думаю, над этим мы поработаем, — сказал Рамос, и его голос звучал мягче. — Мы поступим так: сегодня мы забудем обо всём, а потом, когда ты будешь готов говорить мне правду, ты всё расскажешь.

— Хорошо, — обрадовался я.

— Ты голоден? — приподнял бровь капитан.

— Мне ужасно хочется пить.

— Ну, разумеется, — усмехнулся Рамос. — Ступай на камбуз, спроси там Филото и скажи, что я велел ему накормить и напоить тебя. Усек?

Я кивнул и выскочил из каюты. Капитан улыбнулся мне вслед, поднося трубку к губам. Когда я вышел, мне снова пришлось столкнуться с ярким солнечным светом, которого мы так тщательно сторонились дома. Приложив ладонь ко лбу, подобно козырьку, я поторопился на камбуз. Теперь я понимаю, отчего моя матушка избегала этих палящих лучей.

На камбузе царил нешуточная суэта. Матросы по очереди являлись на обед и сменяли друг друга, потому что пространства в этом отсеке хватало лишь для десятерых. Остальные терпеливо ожидали своей очереди. Никто не обратил на меня внимания, когда я спустился вниз и тихонько встал у трапа.

Матросы шутили на разные темы, смеялись и обсуждали то, чего я не понимал в силу своего возраста. Я прошёл мимо этажерок, заставленных бочками и ящиками. Воздух был насыщен ароматом рыбного супа, смешанного с резким запахом лука и чеснока. Сейчас этот аромат казался мне самым вкусным на свете, и мой желудок отозвался настойчивым урчанием. Пройдя ещё немного, я очутился у стойки для раздачи пищи, за которой стоял здоровенный детина — кок, хозяин кухни. Его некогда белый передник был серым и свидетельствовал о том, как много сил его обладатель вкладывал в готовку.

Я нерешительно подошёл ближе к стоящему ко мне спиной тучному мужчине и попытался заговорить с ним. Но мой тихий голос затерялся в сумятице звуков. Я огляделся вокруг, осматривая помещение и довольно жующих матросов, затем повернулся обратно.

— Простите, я ищу Филото. Это вы? — мне пришлось немного повысить голос.

— А? — громадный человек повернулся, не сразу заметив меня. Он окинул камбуз строгим взором, и его брови удивлённо взмыли вверх, когда его взгляд упал на меня.

— Ты ещё кто такой? — прорычал он.

— Моё имя Адам, — громко ответил я, стараясь перекрыть шум. — Не соблаговолите ли вы дать мне немного еды и воды?

— Не припоминаю твоего имени в списке, мальчишка, — отрезал кок, нахмутив брови.

— Капитан послал меня...

— Катись туда, откуда ты появился, — рявкнул кок, не дав мне договорить и отворачиваясь от меня.

Опустив взгляд, я отступил назад, с трудом глотая слюну, вызванную протяжным урчанием моего пустого желудка, затем развернулся и обиженно направился к выходу.

— Постой! — раздался громогласный хохот. Я остановился и обернулся, заметив улыбку на широком лице Филото. Его круглый живот, напоминавший арбуз, трясся от смеха, и повязки на его фартуке натягивались, вот-вот грозя порваться.

— Я пошутил, а тебе следует быть храбрее! — пригрозил мне пальцем Филото. — Иди сюда! Быстрее!

Лицо кока мгновенно переменялось. Из сурового великана он превратился в добродушного человека, улыбка которого не была лишена шарма. Перекинув полотенце через плечо, он, всё ещё посмеиваясь, направился к столу, где стояли большие котлы с едой.

— На вот, отведай нашей морской похлёбки! — произнёс Филото, протягивая мне глубокую миску, наполненную насыщенным душистым супом.

— Спасибо, — прошептал я, принимая миску и садясь на высокий табурет. Я был удивлен перемене его настроения, и ещё больше — вкусом похлёбки, в которой, как выяснилось, имелись крупные куски рыбы. Это был самый вкусный обед за последнее время, и я с удовольствием ел, ощущая, как мой желудок наполняется теплотой и насыщением.

— И не забывай, — сказал Филото, улыбаясь, — на море жизнь течёт быстрее, чем на суше, и здесь нет места робким мальчишкам. Будь отважным, как моряк! — сказал он, протягивая мне миску с макаронами и мясом.

Мои руки уже потянулись к вилке, но тут я остановился и посмотрел Филото в глаза.

— Можно я возьму второе блюдо с собой?

— Конечно, только верни посуду на место, — грозно сказал кок.

Я съел суп за считанные мгновения, неловко слез со стула, взял миску и вилку и направился к выходу из камбуза. Солнце ушло за тучи, и эта погода мне импонировала больше. Я осмотрительно прошёл по палубе, направляясь в каюту капитана.

— Куда это ты так торопишься? — отвлёк меня грубый голос.

Я остановился и взглянул на приближающегося ко мне человека. Он сжимал в ладонях верёвку, и на секунду я припомнил, как меня привязывали к столбу. Я заметил недостаток мизинца на его правой кисти, и ещё его правый глаз был немного мутным. Он подошёл ко мне и усмехнулся, обнажив зубы, покрытые желтизной, я застыл как вкопанный.

— Это надо есть в камбузе, а не таскать по всему кораблю, — кивнул он, указывая на миску.

— Оставь его, Риц, — крикнул Скаур, который стоял за штурвалом. — Парень и так настрадался.

— Это для капитана, — ответил я.

Риц глядел на меня, прожигая взором, а после залился хохотом, стремительно поворачиваясь и смотря на человека со шрамом, стоявшего за штурвалом. Матросы тоже смеялись, а я не понимал, что забавного я сказал? Капитан, должно быть, проголодался. Обед ведь...

— Что смешного? — решительно спросил я, хмурясь.

— Да пустяки. Ступай, шкет, корми капитана. Дело важное! Чем добрее капитан, тем крепче сон матроса.

Опять все разразились смехом, а я нахмурился и пошёл дальше. Дверь в каюту была чуть приоткрыта, вероятно, я не плотно захлопнул её, когда убежал. Заглянув внутрь, я увидел капитана, сидящего за столом, а перед ним стоял человек с моноклем. Выглядел он довольно галантно в сравнении с остальной командой корабля.

Я зашёл в каюту и подошёл к небольшой тумбе, поставив туда миску с макаронами. Они даже не посмотрели в мою сторону, продолжая обсуждать плотническое дело.

— Кормовой флагшток надо бы подремонтировать, — продолжал говорить плотник. — Грот износился, по хорошему, и его бы заменить.

— Не наглейте, сударь. — Капитан исподлобья взглянул на плотника.

— Ну, хотя бы подлатать, — поправил монокль Фест.

Рамос, сидя за столом, пускал дым из своей трубки, его взор время от времени скользил по мне, стоявшему около тумбы. Я ощутил себя неловко, наблюдая за ними, но все же терпеливо ждал, когда их разговор завершится. Капитан, будто уловив мои мысли, поймал мой

взгляд и кивнул головой. Я не мешкая, подошёл к нему и протянул миску с макаронами, а затем вилку. Капитан, не прерывая беседы с плотником, кивнул в знак признательности, приступая к еде.

Не желая мешать их беседе, я тихо отдалился от стола и, забравшись на табурет в углу, начал осматривать убранство каюты. Несмотря на свою тесноту, она была поразительно комфортной. Вдоль стены, по правую руку от входа, размещалась узкая койка, укрытая грубым шерстяным одеялом, которое, казалось, хранит в себе тепло многих морских путешествий. Над койкой на стене висела древняя карта, чьи края пожелтели от времени. На ней алыми и синими чернилами были обозначены невообразимые маршруты. На тумбе в беспорядке лежали старые портреты в рамках, на которых были изображены люди, которых я никогда не видел, но чувствовал, что они близки Рамосу. Наверное, именно они являлись той частью истории, которая сделала Рамоса таким, какой он есть, — добродушным.

Осматривая каюту, я старался уловить дух этого помещения, его тайны и предания. В воздухе носился еле ощутимый запах морской соли, смешанный с ароматом старого дерева и крепкого табака. Все здесь было пропитано духом морских походов. На полу лежал толстый войлочный коврик, сбитый из разноцветных лоскутов, которые, вероятно, были собраны из различных стран и портов, по которым плывал Рамос. Над столом висела маленькая лампа, освещающая каюту мягким жёлтым светом, который призывал отдохнуть после бурного дня за штурвалом.

Рамос опустошил миску и отодвинул её в сторону, опять взглянув на меня таким взглядом, как будто я в его каюте был обычным персонажем. Плотник к этому времени закончил перечислять список того, что требуется починить на «Фелиции», и капитан произнёс:

— Хорошо, Фест. Предоставьте мне полный перечень по прибытии в гавань. — Капитан встал из-за стола.

— Слушаюсь, капитан. — Плотник неторопливо развернулся, бросил на меня любопытный взгляд и покинул каюту.

Последовав совету капитана, я оставил уютную каюту и вышел на палубу. Закат, подобно великому художнику, смешавшему краски на огромном полотне, раскрасил небо в яркие сочные цвета: малиновый, золотой, оранжевый. Солнце склонялось к горизонту, отбрасывая длинные тени, которые придавали всему вокруг таинственную, почти мистическую картину. Ветер играл с парусами, издавая мелодичный шёпот, будто рассказывал древние морские легенды, передаваемые из поколения в поколение, а шум волн, бьющихся о корпус корабля, создавал ритмичный гипнотический стук, будто сердце океана бьётся в такт с судьбой нашего судна.

Матросы с проворством цирковых акробатов карабкались по вантам, взлетая на верёвочки мачт со скоростью птиц, взмывающих в небо. Я с трепетом в груди наблюдал за их трудом, пытаюсь запомнить, как управлять этим громадным кораблем, и как эти люди, объединённые общей целью, с лёгкостью ведут его через безбрежные морские дали.

«Фелиция» вдохновляла меня на фантастические размышления. Я представлял, как мы всей командой сражаемся с чудовищным морским змеем или громадным кракеном, вырывающимся из морских глубин, чтобы поглотить наш корабль. Бывали и волнительные моменты, когда на горизонте показывался мерцающий силуэт корабля, и команда готовилась к встрече с незваными гостями.

Мурашки проносились по телу от вида дельфинов, проворно вынырывающих перед кормой судна. Шум волн, крики чаек. Всё это запало мне глубоко в сердце. Порой, охваченный тревогой, я вспоминал о родителях и сестре, о нашей милой Бетти и уютном доме. Грусть по ним обволакивала меня, как волна, и я с печалью глядел вдаль, представляя себе их лица,

вспоминая их голоса. Слоняясь вдоль борта, я то облакачивался на него, глядя на воду, то крутился вокруг шпор-мачты, поглядывая на матросов.

Мой взгляд невольно падал на огромный и отполированный до блеска штурвал. Моё детское любопытство разбирало меня изнутри, так сильно мне хотелось прикоснуться к нему, прочувствовать его весомость. Но грозный лоцман Скаур неотступно охранял его, невольно сдерживая мои порывы. Его зоркий взгляд, направленный на меня с нескрываемой бдительностью, не давал мне никакой возможности подступиться к этой святыне.

За своим увлекательным занятием я не заметил, как провалился в сон. И сон мой был крайне необычным: мрак поглотил небо, а волны, подобно хищникам, начали биться о борт судна. В центре этой морской стихии находилась «Фелиция», на борту которой творился беспорядок. Я стоял на середине палубы и, казалось, никто не видел меня, затерянного в этом водовороте тревоги. Холодный ветер пронизывал мою кожу. Волны доходили до кормы. Но всё это было безмолвным. Матросы бегали по палубе мимо меня, а голосов их я не слышал...

Небо продолжало хмуриться, а следом за ним и море становилось всё темнее и было безмолвно тихим, несмотря на то, что шторм бушевал на поверхности. Я ощутил, как «Фелиция» начала погружаться всё глубже и глубже. Волны сжимали корабль, вызывая жалобный скрип и стон, словно само судно умоляло о пощаде. Я вцепился в канат, пытаясь не выпасть за борт, когда корабль резко накренился.

Ветер терзал паруса в лоскуты, оставляя судно без возможности противостоять свирепой стихии. Вспышки молний, похожие на клыки небесного дракона, разряжались над головами моряков, озаряя сумрачные лица, искажённые ужасом.

Что-то промелькнуло в темноте. В этой пламенной вспышке я узрел его, его ужасающие очи, его крылья, словно два клинка. Вампир, преследовавший меня в моих воспоминаниях, теперь терроризировал меня и во сне.

Я обернулся назад, чтобы попросить помощи у команды, и не увидел ни единой души. Все пропали: капитан, грозный боцман, суровый лоцман со своим ужасным шрамом, добрый Филото. Мое сердце заколотилось в бешеном ритме, я ощутил приступ паники, не понимая, куда бежать и где прятаться.

Корабль, окончательно сдавшись, наклонился носом вперёд и начал погружаться в пучину. Я зажмурил глаза, готовясь к худшему, и тишина внезапно разорвалась криками.

— Право руля! Право руля!

Я резко открыл глаза, осознав, что раздавшийся крик был реальным. Заметил, как небо затянуто тучами, а волны, словно гигантские ладони, бьются о борт «Фелиции».

Моё сердце, всё ещё встревоженное после сна, заколотилось ещё сильнее. Я подбежал к борту и вперил взор в бушующий океан.

Это был самый настоящий шторм, начало которого я умудрился проспать. Капитан отдавал приказы, лоцман виртуозно управлял штурвалом, а боцман бранился на матросов. Я прижался спиной к борту и с ужасом наблюдал за тем, как тучи стали затягивать небо. Может быть, мой сон был вещим? Если так, то нам грозит беда.

— Шкет, быстро в каюту! — кричал лоцман.

Я на корточках пополз вдоль борта. «Фелицию» раскачивало на волнах, как игрушечный кораблик. Всех нас швыряло то в одну сторону, то в другую, пока опытный Скаур не принудил корабль стать поперек волн. «Фелиция» подняла корму высоко вверх. Волна плавно прокатила нас на себе, и мы резко погрузились вниз, так стремительно, что мимо меня пролетело несколько маленьких бочек. Я не смог удержаться и заскользил по палубе, ударившись спиной о стену форкастеля.

— Спустить паруса, нужно срочно снизить крен и давление на руль! — кричал капитан.

— Прекращаю сопротивление! — заорал Скаур.

Моряки поспешили выполнить приказы. А я с ужасом наблюдал за их суетой, молясь, чтобы не повторилось то, что приснилось мне в кошмаре. Когда капитан принял штурвал, Скаур, вопреки качке, уверенным шагом направился ко мне. Он круто наклонился, схватил меня за руку и грозно произнёс:

— Крепко стой на ногах, шкет! Это не детская колыбель! В миг за борт смоег! — всё это он говорил мне, ведя в каюту капитана. — Когда чувствуешь опасность, сразу ищи укрытие. Если его нет, держись крепко за всё, что попадает под руку!

— Я понял, — ответил я, перекрикивая гул ветра.

Он проводил меня до каюты, распахнул дверь и толкнул вовнутрь, закрывая её. Я тотчас обернулся, прильнув к ней ухом, прислушиваясь к голосам и крикам команды, как вдруг ощутил чьё-то присутствие. Мурашки побежали по телу, поднимая волосы дыбом. Медленно повернувшись, я увидел клубы чёрного дыма на полу. Прижавшись спиной к двери, я глядел в темноту каюты, заворуженно наблюдая, как из этого дыма выходит элегантно одетый мужчина. Он был высок, имел белокурые волосы, голубые глаза, прямой нос и волевой подбородок. Кожа его была бледная, словно мрамор. Весь его облик казался слишком совершенным, чтобы быть человеческим.

— Здравствуй, Адам, — приветствовал мужчину завораживающим голосом.

— Кто вы?

— Моё имя Люций. Мы уже виделись, но тогда я был в другом облики, не столь привлекательном, как сейчас. — Люций усмехнулся и провел бледной ладонью по своему камзолу. Я заметил перстень на его безымянном пальце с огромным рубином. — Прошу извинить меня за проявленную дерзость. Очень тяжело контролировать себя в таком состоянии. Но тебе нужна была небольшая встряска...

— Вы вампир? — спросил я.

Люций усмехнулся и развёл руки, приветливая улыбка не сходила с его лица.

— Это же очевидно, Адам!

Вампир вдруг отвернулся от меня, подошёл к столу и вальяжно уселся на стул капитана, небрежно закинув ноги на стол.

— Прошу, не стой у двери. Присаживайся. Поговорим, как мужчины, — Люций указал на стул. — Ты ведь уже взрослый мальчик. Сколько тебе лет? Восемь?

В нём было что-то таинственное и магическое, он будто повелевал моим сознанием. Весь мой страх на время испарился, и я подошёл к стулу, неловко сядя в него.

— Представлюсь ещё раз. Меня зовут Люций Меридий. Я родился в 1534 году. Был укушен и обращён в 1558 году. Таких, как я и ты, Адам, осталось очень мало. И я здесь для того, чтобы научить тебя всему, — отчеканил Люций не сводя с меня лукавых глаз.

Невольно напрягаясь, я старался подавить желание сбежать отсюда или позвать на помощь. В его присутствии я ощущал, как внутри меня просыпается нечто новое, сильное и пугающее.

— Я человек, — ответил я, и мой голос, на удивление, звучал уверенно.

— Твой отец был выдающимся вампиром, хотя я не испытываю к нему особой жалости в связи с его смертью. Но он был Великим, и с этим не поспоришь. Когда-нибудь я поведаю тебе о нём, и ты будешь приятно удивлен, — продолжал Люций, наблюдая за моей реакцией на его слова.

— Нет! Мой отец был человеком! Замечательным человеком! — возразил я, и моё лицо покраснело от злости. Я встал, резко отодвинув стул, и грозно воззрился на вампира.

— Твой отец был вампиром. В твоих жилах течёт его кровь. Разве ты этого не ощущаешь?

Губы вампира не двигались, следующее предложение прозвучало у меня в голове, похожее на шёпот змеи. Его слова проникали в самую душу, вызывая во мне бурю чувств.

— Разве ты не слышишь, как она бурлит в тебе? Как твои мышцы наполняются силой?
— Люций продолжал свои трюки, стараясь пробудить во мне всё, о чём он говорил.

Я зажал уши ладонями, не желая слышать его речь. Мне хотелось, чтобы вампир пропал столь же неожиданно, как возник, и больше никогда не возвращался в мою жизнь.

— Я буду возвращаться. Адам! — резкий, громоподобный рык Люция прозвучал в комнате. Я ужаснулся, увидев зловещую ухмылку вампира.

— Как вы это делаете? — шепнул я, охваченный страхом.

— И ты умеешь это делать. Достаточно лишь пожелать. Я обучу тебя всему, Адам, но ещё не время, — ответил Люций спокойным и властным голосом.

— Это вы наслали бурю на корабль? — спросил я, вспоминая о команде, которая всё ещё сражалась со стихией.

— Порой моё присутствие способно разгневать... — Люций странно воззрился вверх, его уста изогнулись в ухмылке. — Но это мы обсудим как-нибудь в другой раз...

— Вы можете успокоить море? — настойчиво спросил я.

— Хочешь спасти команду?

Люций презрительно скривился от подобной доброты. В его взгляде даже промелькнуло удивление.

— Да, — твердо сказал я.

— В таком случае, услуга за услугу, Адам, — вампир хитро посмотрел на меня. Задумчиво поглаживая подбородок, он прищурился.

Шторм свирепствовал с неистовой мощью. «Фелиция» металась на волнах, будто щепка в водовороте. Гром грохотал, как катящаяся по небесам колесница, нагруженная камнями, а море бушевало, как тот змей из моего сна, готовый разорвать на части всё, что попадалось ему на пути.

— Поклянись мне, что исполнишь мою просьбу, и тогда я выполню твою. Если ты отречёшься, я заберу тебя, а Фелиция пойдёт ко дну вместе с командой. — Его голос был спокоен, но в нём таилась угроза, от которой веяло загробной сыростью. Я уже видел мощь этого существа, ощущал его несокрушимую волю и понимал, что отказ означал неминуемую гибель для всех нас.

— Я клянусь, — прошептал я, голос мой дрожал, а взгляд не отрывался от его бледного лица.

— Через семнадцать лет мы снова встретимся, и тогда ты отдашь мне то, что я потребую от тебя. А до тех пор я больше никогда не появлюсь на твоём пути. Мы больше никогда не встретимся, ибо судьба твоя предначертана иным путём. Скажи, Адам, готов ли ты выполнить мои условия?

Его слова были загадочны, и я не совсем понимал, что они означают. Через 17 лет? Сейчас мне 8, и я был рад такому предложению. Выбирая между смертью всех людей на корабле, которые спасли меня, и встречей через 17 лет, я, конечно же, склонялся ко второму и с лёгкостью согласился на условия, не вкладывая в них особого смысла.

— Я согласен.

Вампир улыбнулся, и эта улыбка была холодной, как лёд, который лежал в ящиках, спасая наш товар от гниения. Он резко встал, подошёл ко мне и протянул свою бледную ладонь. Я посмотрел на неё, заметив странность его кожи: она была гладкой, холодной и немного влажной. На его перстне блестел рубин, но он не казался простым камнем. Он словно пульсировал, в нём было что-то живое, что-то непостижимое.

Я протянул свою ладонь, и мы пожали руки. В этот момент меня охватила волна холода, которая пробежала по всему телу, от пальцев рук до кончиков волос. Это было чувство не просто холода, а какого-то мрачного предчувствия, неизбежности, заставившей мое сердце

забиться в ускоренном ритме. Меня пробила дрожь, и в голове замелькали картины, как кровь стремительно бежит по туннелям вен. Лицо отца, матери, кругом всё красное и жажда...

Я ощутил ужасную жажду. Во рту пересохло, живот свело. Я хотел пить...

— Будь по-твоему, Адам, — с ухмылкой произнёс вампир и исчез, растворившись в дымке так же внезапно, как и появился.

С трудом открыв глаза, я почувствовал резкую боль в голове. Всё было расплывчато, и я никак не мог сосредоточиться. Прикоснувшись к лицу, я потёр глаза пальцами и взглянул в сторону. Я лежал на койке капитана, а за столом восседал Рамос, склонившись над пергаментом с пером в руке. Он что-то усердно записывал, погруженный в свои размышления.

Некоторое время я лежал без движения, стараясь привести мысли в порядок. Постепенно сознание приходило в норму, и я сумел рассмотреть лицо капитана. Он был сосредоточен на деле, но когда я приподнялся на локтях, Рамос взглянул на меня.

— Адам! Ты очнулся! — он воскликнул эти слова с заметной радостью. — Как ты себя чувствуешь?

В голове по-прежнему шумело, и голос мой был хриплым, когда я спросил:

— Все живы?

Рамос приподнял брови, изумлённый моим вопросом. Он отложил перо, поднялся из-за стола и подошёл ко мне.

— Да, всё в порядке. Судно слегка повреждено, но это пустяки. Мы всё починим.

Я ощутил облегчение, заполнившее меня отрадной теплотой. Я был так рад, что команда цела и невредима. Улыбка расплылась на моём лице, и я прикрыл веки, наслаждаясь этим счастьем.

Лишь время от времени в голове проносились мысли о том, что вампир сказал мне до того, как я потерял сознание. В мои годы его просьба не значила для меня ровным счётом ничего. Я не сомневался, что Люций выполнит все условия, и всё, что я уяснил из этой сделки, — это то, что я не увижу его ещё долгие 17 лет.

Глава 2. Блеввер

Через две недели мы прибыли в порт крупного города Блеввер. Утомлённые после долгого плавания, мы с нетерпением ждали высадки на берег, а я жаждал встречи с местными жителями и начала своего знакомства с этим прекрасным городом.

По мере того, как корабль медленно подходил к порту, я наблюдал за высокими зданиями и многочисленными судами, стоявшими у причала. Я видел грузовые работы, слышал шум людей, говоривших на незнакомом мне языке. Всё это окружало меня необычной атмосферой, создававшей ощущение новизны, неизвестности и какого-то трепета.

Мы причалили, и я почувствовал невероятный прилив сил. Я нетерпеливо ждал момента, когда смогу выйти на берег и исследовать этот прекрасный город. Я представлял себе улицы, кипящие жизнью, красочные рынки, старинные здания, наполненные историей, и необычные обычаи местных жителей.

Море, только что оставленное позади, ещё не успело остыть в памяти, уступив место шумному, полному жизни раю. Ступив наконец на берег, я ощутил под ногами твёрдую мостовую, пропитанную запахами солёного моря, мокрой земли и специй. Взор мой направился к оживлённой набережной, подобной полотну умелого творца.

Казалось, каждый уголок города дышит, пульсирует, наполненный звуками, голосами и ароматами. В воздухе витал неумолкаемый гул: пронзительные крики чаек, громкие разговоры, треск телег, цокот копыт, стук молотка кузнеца, веселый смех детей, зазывание торговцев.

Передо мной раскинулась пёстрая картина: на набережной, в тени деревянных столов и лавок, сидели мужчины, играя в кости и бурно обсуждая последние новости. В тени высоких домов прогуливались всадники, у которых были лошади разных мастей: чёрные, рыжие, серые, с белыми звёздочками на лбу, с пышными гривами и хвостами. На них сидели ухоженные господа, простые жители с усталыми лицами и даже молодые девушки в бежевых платьях и с веселыми искрами в глазах. В красивых открытых каретах, убранных атласными лентами и пушистыми мехами, сидели дамы постарше, обмахиваясь шелковыми веерами и наблюдая за окружающим миром.

Неподалеку, рядом с богатым рыбным прилавком, где торговец размахивал тряпкой, отгоняя назойливых мух от свежельвленной рыбы, расположилась кузница. Мощный молот кузнеца монотонно стучал, отбивая ритм жизни Блеввера. С другой стороны растянулась торговая площадь, переполненная лавками с товарами на любой вкус. Прямо напротив меня пахло свежим хлебом из пекарни, расположенной рядом с портом. Я уловил аромат жареного мяса с дымком от костра и вдохнул полной грудью этот необыкновенный коктейль запахов, почувствовав, как они пробуждают во мне чувство голода.

С ухмылкой на лице, проходя мимо меня, Скаур дал мне затрещину.

— Не зевай, шкет, а то мигом карманы подчистят, — бросил он в ответ на мой изумлённый взгляд. Я послушно поджал губы, запихивая ладони в пустые карманы.

— Я и не зеваю.

— Этот городок лишь кажется милым и уютным, — сурово сказал лоцман. — С приходом ночи любое место, где обитают люди, превращается в бедлам. Будь начеку, шкет, и держись поблизости.

Я кивнул Скауру. Вслед за нами шёл боцман, над шутками и замечаниями которого капитан хохотал во весь голос. Позади них двигались пятеро матросов, неся на плечах тюки с припасами. Это был наш первый пункт разгрузки. Капитан свернул к портовому управлению, чтобы отдать нужные бумаги и обсудить нюансы поставки товара. А ещё ему предстояло объяснить отсутствие некоторых конфискованных грузов. Я проводил его взглядом и пошёл дальше, прижимая к Кастиру и Келеру.

— Шкет, пошли с нами, поглядишь на этот чудный городок, — задорно позвал меня Келер.

— Чем он так хорош? — улыбнулся я, настигая их.

— После Шаудэна любой закоулок, хоть немного прибранный, покажется дьявольски симпатичным, — ухмыльнулся Келер.

Мне стало немного досадно за родной Шаудэн, но в чем-то он был прав. Богатство и роскошь меня не привлекали, но состояние улиц и контингент, конечно, сильно отличались. Мы направились вдоль торговых улиц, где нам неоднократно мешали назойливые торговцы и дамы в вызывающих нарядах.

— Какой очаровательный мальчик! — прошептала одна из женщин. — Пойдём со мной, крошка. Нам нужны такие милашки, как ты.

Я уставился на её алые губы, и когда она рассмеялась, я увидел, что у неё всего три зуба. Келер заметил моё смущение и, схватив меня за воротник, отвёл в сторону от чудной женщины.

— Не отставай, шкет! Эти заблудшие души уведут тебя в тёмные уголки, где никто и никогда тебя больше не отыщет, — предупредил он, широко шагая.

— Вы с Кастором уже бывали в этом городе? — спросил я.

— Да, дважды. И каждый раз узнаём что-нибудь новое. Поторопись, у нас куча дел! — крикнул Келер.

Мы пробирались сквозь толпу. Шум города звучал так громко, что я ощутил ностальгию по укромной капитанской каюте «Фелиции». Кастор и Келер были самыми молодыми матросами на борту, разумеется, после меня. Келер был высоким загорелым юношей с каштановыми спутанными волосами. Он любил носить треуголку поверх банданы и отлично знал устройство корабля, такелаж и паруса, разбирался в маневренности и влиянии ветра. Кастор же, напротив, был ниже ростом, немного полноватым, очень добрым и весёлым парнишкой лет семнадцати. На «Фелиции» он служил значительно меньше Келера, которому вот-вот исполнилось 20, но в корабельном деле он разбирался не хуже своего товарища.

Две недели на судне пронеслись для меня как одно мгновение, наполненное свежими знаниями и прочной дружбой с матросами. Они стали для меня истинными наставниками, открыв мир морской романтики и практических навыков. Каждое утро начиналось с изучения корабельного ремесла: я постигал названия парусов, что такое топик, гафель, штаг, узнавал, как устроена оснастка, какие бывают узлы и их применение. Мой пытливый ум, как губка, впитывал все эти термины: грот-мачта, выбленки, ванты, марс, фальшкиль, клотик... Вечерами же мы взбирались на марс, с высоты птичьего полёта взирали на бескрайнее море, радуясь тёплому бризу, и делились историями из жизни.

Капитан относился ко мне с родительской заботой, охотно делился своим опытом и обучая мореплаванию. Зачастую он был молчалив и немногословен, но в его глазах всегда читалась доброта. Однажды он сознался, что у него есть сын, но судьба разлучила их. В тот момент я понял, что он хранит в сердце глубокую печаль по близким. По вечерам он часто смотрел на выцветшие портреты, вглядываясь в изображённые лица. Может быть, среди них была и его любимая супруга? Я не спрашивал, но ощущал его боль.

Кастор и Келер остановились посреди улицы, огляделись и подошли к невысокому забору. Вдруг Келер откинул одну из штакетин и пролез во двор. Мы последовали за ним, оказавшись на территории монастыря.

— Только не шумите, иначе у нас будут проблемы, — прошептал Келер, стоя у стены и выглядывая из-за угла.

Мы выждали какое-то время, а потом он поманил нас за собой. Пробежав пару метров, мы юркнули в узкий проход и там по крутой узкой лестнице забрались на колокольню.

Вид, открывшийся с колокольни, был воистину великолепен! Я стоял, затаив дыхание, и впитывал красоту города, раскинувшегося перед нами словно на ладони. На улицах всё ещё

кипела жизнь: люди спешили по делам, дети играли, птицы пели. Вдали сверкала водная гладь, напоминая о моём недавнем морском путешествии. Несмотря на свой возраст, я прекрасно понимал, что этот город, так же как и Шаудэн, полон своих тайн, но в тот момент я просто наслаждался мгновением, отдаваясь магической атмосфере нового для меня мира.

Колокольня возвышалась над городом, её шпиль, устремлённый к небесам, представлялся нам вершиной мироздания. На мгновение в моей голове мелькнула мысль о том, что это куда увлекательнее, чем сидеть дома взаперти.

— Ну, как тебе? — усмехнулся Келер, подперев бока, и, словно по команде, его глаза заискрились авантюрным блеском. Он был истинным затейником, всегда готовым к риску и новым приключениям. Его харизма поражала, и я невольно улыбнулся в ответ.

— Красиво, — ответил я, оглядывая панораму города. С высоты колокольни можно было разглядеть весь порт, с множеством разноцветных лодок. И, что самое главное, отсюда была видна «Фелиция».

— Ага, — вздохнул Кастор, неизменно осмотрительный и рассудительный. Он хоть и являлся полной противоположностью Келеру, но, невзирая на это, они прекрасно дополняли друг друга. — Капитан с нас шкуру сдерёт, если через час не вернёмся, — напомнил он, и на его лице промелькнула небольшая тревога.

— Не сдерёт, — махнул Келер ладонью, отбрасывая все наши тревоги.

— Ей! Вы ещё кто такие! — послышался крик снизу. Мы как по команде посмотрели вниз и увидели служителя монастыря, облачённого в коричневую мантию, подвязанную тесьмой на талии. Его глаза злобно щурились, и он явно был недоволен незванным гостям.

— Бежим! — резко бросил Келер, и я увидел, как монах прытко помчался в сторону лестницы. Келер с улыбкой на лице начал спускаться прямо по стене высокой колокольни, да так ловко, что мы еле поспевали за ним. Я отчетливо слышал, как служитель поднимался по лестнице. Было ужасно страшно и весело одновременно. Нас подстегивал адреналин. Мы с лёгкостью добрались до среднего яруса колокольни, и оттуда Келер спрыгнул на крышу монастыря.

— Скорее, Кастор! Ты отстаешь! — крикнул Келер.

Я возвёл взор кверху, глядя на Кастора, аккуратно спускавшегося вниз. На его лбу выступил пот, и я улыбнулся. Несмотря на то, что он был матросом и нередко лазил на мачту, он не жаловал высоту, но ради приключений готов был побороть свой страх. Наконец, я спрыгнул на кровлю монастыря и вновь посмотрел вверх, заметив разгневанного монаха, выглянувшего в одно из узких окон. Он пребывал в ярости. Его руки сжимались в кулаки, а глаза метали гневные стрелы.

— Вот я вам задам! Только попадитесь мне! — грозился он.

Кастор в конце концов спрыгнул на крышу, и мы моментально помчались по ней, крича и хохоча. Келер знал все входы и выходы. Он никогда не сидел спокойно, изучая каждый уголок в любом городе. И как он всё успевал, я не ведаю. Но меня восхищала его смелость и ловкость. Он был настоящим заводилой, который всегда знал, как поднять нам настроение.

Вернувшись в порт, мы сразу приступили к погрузке товара, который должны были доставить обратно в Шаудэн. Капитан встретил нас недовольным взглядом, но ничего не сказал, чем вызвал восхищение у Келера. Он любил такие непредсказуемые ситуации, когда всё висело на волоске. До вечера в его глазах блеснул азарт и желание что-то ещё натворить.

Мы быстро погрузили тюки на судно и направились в камбуз. На корабле было весело: матросы распевали песни, играли в кости и постоянно шутили. Риц рассказывал о своих путешествиях до того, как попал на «Фелицию», приукрашивая действительность, но мы всё равно внимали ему с замиранием сердца. Келер в своей манере вставлял забавные комментарии, и мы дружно хохотали.

Порт Блеввера был не просто гаванью, а местом, где время текло по-своему, подчиняясь неспешным правилам моря. Три дня стоянки — обычное дело для «Фелиции», и эти дни несли в себе особую ауру предвкушения, свободы от повседневных обязанностей и лёгкого, расслабляющего сна. Капитан уходил на берег, оставляя команду наедине с шумом прибоя и собственными мыслями. Куда он направлялся, никому не было известно, кроме боцмана и лоцмана — хранителей корабельных тайн.

Впрочем, никто не спешил расспрашивать их. Отсутствие капитана снимало тяжесть дисциплины, и сами Риц и Скаур позволяли себе вечерами отдыхать от своих занятий и пить эль со старичками в портовой корчме.

Я, в свою очередь, отыскал укрытие от знойного солнца в камбузе, где Филото властвовал над своим царством котелков и сковородок. Он был не только превосходным поваром, но и замечательным рассказчиком, увлекая меня в мир повествований о своей юности, проведённой при императорском дворе.

Выяснилось, что этот любезный человек служил при императоре и готовил для него самые изысканные яства, названия которых я даже не мог выговорить.

— Однажды император попросил мясной пудинг, — заговорщически сказал Филото, отрезая рыбу голову. — Сварил я густую овсяную кашу с мясом, обязательно на мясном бульоне, а затем добавил к ней хлебные крошки, орехи, мёд и чернослив.

— Звучит отвратительно, — скривился я.

— Ты просто не разбираешься в деликатесах, юноша, — приподнял брови Филото.

— Может быть, но звучит это неаппетитно, — я оперся локтями о стол. — И что потом? Ему понравилось?

— Нет, — пожал плечами Филото. — Он сказал, что пудинг слишком сладкий.

Я улыбнулся, глядя, как он сдерживает смех.

— Правда? — засмеялся я.

— Правда, — Филото отрезал рыбий хвост, откидывая его в ведро. — Так я и попал на «Фелицию».

Мы засмеялись, и я стал изображать Филото, готовящего пудинг для императора. Не заметив, как Скаур спустился в камбуз.

— Дурака валяете?

Филото сразу посерьёзnel, продолжая чистить рыбу. А я уставился на лоцмана, подходящего к нам. Скаур посмотрел на меня с нескрываемой насмешкой, затем взял со стола дольку морковки, предназначенную для рыбной похлёбки, и закинул её в рот, не отрывая от меня взгляда.

— Пошли, шкет. Дело есть, — сказал он твёрдым, но не лишённым доброты голосом.

— Для меня? — вырвалось у меня.

Зная, что лоцман не тратил время на пустые разговоры, я был в предвкушении какого-то увлекательного занятия. С трепетом я вскочил с табурета и наспех вытер ладони о парусиновые штаны, готовясь к чему-то интересному.

— Для тебя. За мной шагом марш! — лоцман быстро закинул в рот ещё одну дольку морковки и направился к выходу из камбуза. Я, распираемый радостью и предвкушением, помчался за ним, стараясь не отставать.

Когда мы поднялись наверх, Скаур остановился на палубе, а я, объятый волнением, поравнялся с ним и уставился на его серьёзное лицо.

— Хочешь всю жизнь чистить картофель и пахнуть рыбой? — осведомился он, скользнув по мне взглядом и продолжая шагать.

— Нет, — мотнул головой я.

— Тогда не теряй своё время попусту. Настоящие мужики стоят у штурвала, мальчишка. Остальные пусть драят палубу и отсекают рыбам головы, — продолжил Скаур.

— Приготовление пищи — тоже важный процесс. Разве не так? — выпалил я, непроизвольно отставив Филото.

— Так, — остановился Скаур, обернувшись ко мне, — но жизнь наверху куда увлекательнее. Рискованнее! Азартнее!

Скаура стремительно взбежал по лестнице и приблизился к штурвалу, возложив на него ладонь, словно прикасаясь к телу обожаемой женщины.

— Отныне ты станешь заниматься мужскими обязанностями, шкет, — произнёс он, глубоко веря в то, что я с этим справлюсь.

Признаться откровенно, моему восторгу не было предела. Я, разумеется, не считал работу кока плохой, но у штурвала постоять мечтал любой, кто хоть раз плывал на судне.

Когда «Фелиция» на полных парусах мчалась во второй пункт разгрузки, я, счастливый до глубины души, стоял у штурвала вместе со Скауром, который время от времени корректировал направление и давал мне чёткие инструкции. Я продолжал впитывать в себя все, что мне говорили, проводя дни и ночи за чтением книг в капитанской каюте. Рамос видел во мне стремление к знаниям и поощрял мое усердие, и мне даже показалось, что он гордился мною. Скаур часто оставлял меня за штурвалом в хорошую погоду, а мои друзья, Келер и Кастор, подбадривали меня веселыми шутками, делая жизнь на корабле ярче.

Возвращение в Шаудэн, после месячного плавания, было для меня переплетено радостью и глубокой печалью. Мне было поистине страшно вернуться в родные пенаты. И когда «Фелиция» встала на якорь, я не решился даже выйти на палубу, сидя на своей койке в кубрике среди остальных матросов. Мои мысли вновь переполнялись воспоминаниями о счастливом детстве, проведенном в этом угрюмом портовом городе, смешанными с пережитым ужасом.

Келер попробовал избавить меня от душевных страданий, но я был непреклонен.

— Адам, пойдём прогуляемся. Это же Шаудэн, город веселья и распутства! — рассмеялся он.

— Нет. Я пережду здесь.

Кастор бросил на меня сочувственный взгляд, а затем последовал за Келером на палубу.

Я остался один, погружённый в свои мысли. Только теперь я не прятался в трюме, а был полноценным членом команды, но я всё равно ощущал одиночество. В глубине души мне хотелось выбежать на палубу, спуститься по трапу и помчаться по мостовой к нашему дому. Ворваться туда с улыбкой на лице, встретиться с родителями, обнять и поцеловать маму, папу, сестренку, увидеть счастливые глаза Бетти. Но всех их больше нет!

Люди, которые ходят по улицам этого города, живут, радуются жизни, уходят в море и возвращаются, все они видят своих родных живыми! А я — нет. Я впервые в жизни испытал гнев, как будто какая-то неведомая сила разгоралась во мне. Я чувствовал, как закипает злость, как моя кровь бурлит. Клянусь, я не желал им добра.

Признаюсь честно, я хотел, чтобы те, кто лишил меня счастья, испытали то же самое. Шаудэн, город, который когда-то был для меня символом радости и любви, теперь стал символом горя и отчаяния.

Команда разгружала товар. Никто меня не тревожил, и я даже немного расслабился. Вечером, когда солнце начинало свой медленный спуск за горизонт, я всё-таки вышел на палубу, чтобы вдохнуть свежий воздух и взглянуть на город с новой, непривычной для себя стороны.

Я покидал этот город слезливым мальчишкой, дрожащим от каждого шороха и прячущимся в трюме корабля. Теперь же я вернулся, смирившийся с реальностью и ставший сильнее. С высоты палубы я видел пьяниц, толпившихся у корчмы, рыбаков, спящих в ворохе сетей

на берегу, и женщин, ведущих развратный образ жизни, о которых мне рассказывали многочисленные истории Кастор и Келер. Их жизни казались мне полными несчастий и вызывали чувство жалости, смешанное с отвращением.

Мы провели в порту Шаудэна несколько дней, но никто не явился на проверку. Это создавало иллюзию того, что ничего и не было, что всё это — кошмарный сон. «Может быть, я и сейчас сплю?» — думал я, ожидая, что нежная рука моей матери коснётся моего лица, и я проснусь, стряхнув с себя этот ужас...

Своё девятое, десятое и одиннадцатое день рождения я встретил на борту «Фелиции», как всегда в полном одиночестве, так как никому не сказал о нём. Держать этот секрет было тяжело. Мне, как и любому ребёнку, хотелось праздника, веселья, но я заключил с собой договор — забыть о своём дне рождения, перестать считать дни до встречи с вампиром, который какое-то время не давал мне покоя. Я хотел стереть эту страшную дату из своей памяти и жить спокойно.

Так пронеслись мои 12-й, 13-й, 14-й и 15-й дни рождения. Я неоднократно поддавался вопросам со стороны ставшей мне за это время близкой команды о том, отчего я не отмечаю своё совершеннолетие, но я всегда уклонялся от ответа. В итоге они отстали, приняв моё молчание как факт.

К 16 годам моё тело не только вытянулось, но и начало приобретать более заметную мускулатуру. Постоянные физические нагрузки делали мои плечи шире, тело стало более рельефным. Я начал замечать, что моя внешность меняется, и девушки, которые часто встречались мне в бесчисленных портах, которые посещал наш корабль, всё чаще обращали на меня внимание.

Я рос замкнутым, спокойным и рассудительным, принимал активное участие во всех физических нагрузках в общем и целом, помогал везде и всюду. А к концу дня уставал так, что валился с ног и тут же погружался в крепкий сон. Мои будни были размеренными, и я с уверенностью могу заявить, что я был по-настоящему счастлив.

Скауэр уже смело оставлял меня у штурвала. Он мог просто удалиться в камбуз и подняться на палубу к вечеру, и всё это время «Фелиция» была предоставлена мне и я наслаждался нашей свободой. Рамос вставал за штурвал лишь в ненастье, когда требовался его бесценный опыт. Совместно с боцманом и шкипером они составляли превосходную команду против сокрушающих волн.

Однажды мы угодили в ужасный шторм. Тогда, стиснув кулаки, я ждал встречи с Люцием, подозревая, что он нарушил условия сделки. Но вампир не явился — это был обычный шторм.

Спустя год, когда мне исполнилось семнадцать лет, я уже позабыл о его существовании. Мои сновидения были наполнены всякой ерундой, а мозг был занят совершенно иными мыслями и желаниями.

Мы уже пятый день торчали в порту проклятого Шаудэна. Нам пришлось экстренно вернуться обратно из-за шторма, который повредил грот-мачту, и мы весь день лазили по вантам, чтобы устранить повреждения. Сильно пострадал не только корабль, но и наши нервы. Шторм унёс жизнь одного из матросов. Смерть наступила мгновенно. На моих глазах порывистый ветер сорвал его с марса и через несколько минут бедолага оказался в бездне. Поиски были бесполезны. Нас отнесло на значительное расстояние от места происшествия, вынуждая вернуться в порт. Гибель людей каждый раз очень сильно влияла на всю команду. Мы почтили память погибшего и приступили к своей повседневной работе.

Сильный дождь уже изрядно надоел. Настроение было скверным. Люди озлоблены и немногословны. Даже Келер, обычно весёлый, ходил угрюмый, делая вид, что сильно занят.

К вечеру утомлённые матросы в количестве шести человек отправились в бордель. Среди них был и Келер, который позвал меня с собой познать радости плотских утех. Я с иронией посмотрел на него, посоветовав быть осторожным с подобными увлечениями в таких местах.

Дождь наконец утих, и я спустился к причалу, чтобы побродить вдоль берега. За всё это время я так и не осмелился отправиться в город и взглянуть на свой дом. Казалось, он навсегда пропал из моих мыслей, стёрся из памяти, как краски с полотна, оставленного под проливным дождем. Но порой я подолгу стоял на палубе, вглядываясь вдаль и воображая, что где-то там он всё ещё существует в целости и сохранности, и там меня ждут мои близкие.

— Тебя не привлекают девушки?

Чей-то мелодичный голос нагло вторгся в мои мысли и привлёк моё внимание.

Я обернулся и увидел изящную женскую фигуру, прислонившуюся плечом к стене покосившегося амбара. Мужские брюки и рубашка смотрелись на ней нелепо, но даже они не могли скрыть её прекрасную фигуру и соблазнительные изгибы. Я застыл, глядя на восхитительный силуэт незнакомки.

— Ты что, немой? — усмехнулась она, сочно жуя яблоко.

— Не твой, — бросил я.

Девушка рассмеялась, прикрыв рот тыльной стороной ладони. На моём лице не дрогнул ни один мускул.

— А ты милый, — улыбнулась она. — И явно не глухой тоже.

— Я тебя прекрасно слышу, — ответил я, засовывая руки в карманы. — Почему ты сделала такой вывод?

— Все отправились в бордель. И это неудивительно. А ты не пошёл, и это странно, — медленно произнесла она, усаживаясь на бочку подальше от стены амбара.

Я не принял во внимание её ироничный тон. Мне очень хотелось увидеть её лицо. Я сделал несколько уверенных шагов в её сторону и прищурил глаза, всматриваясь в слабо освещенный лик незнакомки.

— Ты странный, — она доела яблоко и бросила огрызок в воду.

— Мы знакомы? — спросил я, обращая внимание на вьющиеся волосы, развевающиеся на ветру.

— Нет, я не знакомлюсь с чудаками.

Она слезла с бочки и прошла мимо меня дальше по берегу.

— Не заводись знакомств с чудаками, а сама с лёгкостью заговорила со мной, — усмехнулся я, глядя, как она уходит.

— Просто хотела, чтобы ты об этом знал, — ответила она.

— Назови своё имя! — крикнул я.

— Нет, — громко ответила она.

— Нет? — Я всё ещё стоял на месте.

— Нет, — она обернулась, видимо, для того чтобы посмотреть, иду ли я за ней.

С улыбкой на лице я проводил её взглядом, развернулся и пошёл обратно на корабль, ощущая на своей спине её изумлённый взгляд. Поднимаясь по трапу, я заметил Рица, который жевал сушёную рыбу, бросая шкурки в воду. Он посмотрел на меня своим хитрым прищуром и улыбнулся. Я нахмурился, уже понимая, о чём пойдёт речь.

— Я стал невольным свидетелем того, как ты упустил шанс «загнать свой корабль в бухту».

— Я не понимаю, о чём ты, — я попытался избежать этой темы.

— Всё ты понимаешь, остопоп, — протянул Риц, — она хотела, чтобы ты пошёл за ней, но ты... не пошёл.

— Как думаешь, — перебил я его, — долго ещё здесь торчать будем?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Надеюсь, уже завтра поднимем паруса. Мне тоже надоело просиживать штаны в этом проклятом городишке.

— Рамос что-нибудь говорил? — спросил я, не сводя с него взгляда.

— Нет, — ответил Риц, ковыряясь в зубах рыбьей косточкой.

Он кинул в воду остатки рыбы и продолжил ковыряться в зубах. Я хлопнул по планширю ладонью и ещё раз бросил взгляд в сторону берега, где повстречал очаровательную незнакомку.

— Ладно, пойду отдохну.

Спустившись в кубрик, я прошёл к своей койке, присел на край, снял рубашку и повалился на бок, сомкнув веки. Невзирая на дождливую погоду, в кубрике стояла духота. Мне не спалось. Половину ночи я размышлял о той девушке и её фигуре, а вторую — о доме. Всякий раз, когда я являлся в Шаудэн, я думал об этом. Хотелось скорее уплыть из этого проклятого города и забыть его навсегда.

Утро началось с грохочущего стука. Палуба судна гудела от криков и топота ног. Я вскочил с койки, на ходу натягивая рубашку, и помчался наверх. Солнце уже вовсю припекало матросам головы, а боцман Риц командовал погрузкой. Я понял, что проспал.

— Адам, быстро на подмогу! Через час отплываем! — крикнул боцман, и я помчался на пирс, где матросы разгружали тюки с телег.

— Выспался? — усмехнулся Келер. — Развлекался я, а ты отсыпаешься. Странное дело, брат!

— Прости, — пробормотал я, хватая мешок с зерном, и, взвалив его себе на плечи, понёс его в трюм.

Час ушёл на погрузку, несколько минут на сборы и подсчёт всего, и, наконец, через полтора часа мы отчалили от порта. Уставшие, но довольные, мы глядели на удаляющиеся берега, чувствуя облегчение от того, что мы снова уходим в море, подальше от суеты и рутины Шаудэна.

К полудню ветер вздымал паруса, и «Фелиция» резво скользила по волнам. Наши постоянные спутники, дельфины, резвились у кормы, приветствуя нас забавными прыжками, и я улыбался, не ведая, что этот день завершится для нас печально.

К вечеру ветер усилился, волны вздымались, с грохотом обрушиваясь на палубу. Нам пришлось спустить грот и травить шкоты фока и кливера, чтобы хоть как-то удержать корабль на плаву. Все мы, привыкшие к капризам погоды, действовали слаженно, и бороться со штормом для нас было не в первой, но я каждый раз отчетливо видел страх в глазах некоторых мужчин. Всё потому, что им было что терять там, на суше, в отличие от меня, у которого за душой были только они и это судно.

Мы не сразу заметили, как пиратский корабль сел нам на хвост. Ни флага, ни опознавательных знаков видно не было. Судно двигалось быстро, словно акула, преследующая свою жертву. Мы, повинаясь инстинкту, заняли боевые позиции, готовясь к худшему.

Я прекрасно осознавал, что в случае нападения пиратов нам с ними не справиться. «Фелиция» была обычным торговым судном, а их галеоны — настоящие морские волки, напичканные пушками и укомплектованные вооружёнными до зубов матросами.

Рамос несколько минут вглядывался в подозрную трубу, прежде чем отдать приказ:

— Поднять паруса! Постараемся оторваться от них. Фелиция, легче в разы. У нас есть преимущество, — добавил он, обращаясь к лоцману.

Я с волнением наблюдал, как наш фрегат начал стремительно набирать скорость. Корабль, преследующий нас, вышел на линию обзора, и Рамос с тревогой подтвердил, что это пиратский галеон. Я не сомневался, что мы оторвёмся от преследования. Несмотря на внушительность, галеон явно уступал нам в манёвренности и скорости.

— Нужна ещё скорость, — сказал Рамос, не отрывая глаз от горизонта.

— Сбросить бочки и ядра! — крикнул Скаур.

— Облегчить корабль от носа до кормы! Сбросить бочки и ядра, — повторил боцман, передавая приказ команде. У нас имелось три пушки, но, насколько мне известно, стреляли из них всего несколько раз. Я поспешил на выручку остальным, и мы принялись перебрасывать за борт бочонки, наполненные питьевой водой, и тяжёлые ядра.

Не хотелось расставаться с пресной водой, но у нас не было выбора. «Фелицию» нужно было вывести на полную мощность.

— Как думаешь, догонят? — спросил кто-то из матросов у Келера.

— Не догонят. Но расслабляться не стоит. Такие, как они, не любят, когда их оставляют в дураках. Смекаешь? — подбоченился Келер, бросая прищуренный взгляд на горизонт. Мы увидели, как галеон замедлил ход и значительно отстал. Гракк, сидевший на марсе, просигналил о том, что преследователь прекратил погоню.

Мы с облегчением вздохнули, а я даже позволил себе улыбнуться. Впервые за все время я повстречал, хоть и не так близко, но все же грозу морей. Это было напряженно и крайне интересно. Вечером я пожалел о своих мыслях, когда «Фелиция» угодила в штиль. Позабыв об опасности, мы расслабились и отправились отдыхать, оставив на марсе пару матросов и дремлющего на палубе боцмана.

Сон, такой же густой и тёмный, как ночь, окутал палубу. Длинный день, полный палящего солнца, борьбы с штормовым ветром и напряжения от преследования, вымотал даже самых стойких матросов. Усталые люди, привыкшие к качке и неудобствам, нашли покой на узких койках, под мерцание тусклого фонаря. Тишину нарушало лишь размеренное дыхание спящих да тихое поскрипывание корабельных конструкций.

Не спал только Скаур, но по воле судьбы он в этот момент был в камбузе. Странное чувство тревоги заставило мои глаза открыться. Слух у меня был отменным. Вообще, я заметил, что с возрастом мои чувства обострились, и сил становилось всё больше. Я слышал каждый шорох, каждый вздох моряков, каждый всплеск волн о борт. Мой нос безошибочно определял малейшие изменения в запахе соленого воздуха, а глаза видели в темноте не хуже, чем у животного.

Именно поэтому я почувствовал беду раньше всех. Необъяснимое чувство тревоги заставило меня насторожиться. Я приподнял голову и посмотрел на лоцмана, который сидел на своей койке, освещенный мерцающим огнем свечи. Его лицо выражало крайнюю сосредоточенность, он будто тоже прислушивался к чему-то.

И тут раздался оглушительный грохот, от которого задрожал весь корабль. За ним последовал второй, ещё более мощный удар, и ещё один, от которого «Фелиция» круто качнулась на левый борт, сбросив нас с коек на пол.

В следующий миг камбуз наполнился испуганными воплями матросов. Скаур, сильный и проворный, как пантера, вскочил на ноги и ухватился за мушкет.

— Пушки! — прохрипел старый Гракк, поднимаясь с пола.

— Свистать всех наверх! — скомандовал лоцман, надевая свой потрепанный мундир, застегивая португепю с ножнами для сабли.

— Нагнали все-таки, — пробормотал Келер, всё ещё бледный от испуга. — Ну, сейчас начнётся...

Его слова буквально утонули в оглушительном грохоте, от которого задрожали переборки. Новый залп пробил огромную дыру в борту «Фелиции», чуть выше уровня камбуза. Сквозь дыру ворвались брызги морской пены.

Мы, преодолевая испуг, схватили сабли и выскочили на палубу. Там уже происходило нечто невысказанное. Матросы металась, словно безумные, стараясь привести в боевую готовность наши убогие пушки, которые по сравнению с вооружением напавшего на нас галеона смотрелись просто жалко. Ядра и цепные книппели сыпались на нас, как град, круша борта, разрывая паруса и превращая «Фелицию» в решето.

Корабль, будто живой, стонал и содрогался под градом пушечных выстрелов. Я видел, как один из кнйпселей перебил грот-стенгу, и вершина мачты с треском рухнула вниз, повиснув на вантах. Палуба была залита кровью раненых. Везде валялись обломки дерева и снастей.

Наконец вражеские орудия смолкли, и сквозь дым порохового угара мы увидели его — огромный галеон, преследовавший нас днем. Он нависал над «Фелицией», грозя сокрушить нас одним только видом.

Многочисленные факелы озарили палубу противника, и я обратил внимание на особенности галеона. Это было великолепное судно, соединяющее в себе немыслимую мощь и грацию. Его мачты были высокими и сильными, а паруса — широкими и прочными, способными поймать любой ветер. Его борта были усеяны пушками, из которых вырывалось пламя и смерть. Корпус корабля был окрашен в чёрный цвет, покрыт морской пеной и копотью от огня боев. На мачтах красовались чёрные флаги с черепом и перекрещенными костями, напоминая о безжалостной участи тех, кто решится угрожать пиратам.

Команда галеона была не менее внушительной. Неотесанные поджарые матросы с татуировками и обветренными лицами с ехидством смотрели на нас, готовясь к любому исходу. Каждый из них был воплощением воли и беспечности, готовый в любой миг броситься в бой за своего капитана и добычу. Их тела были закалены в битвах и морских штормах, а глаза искрились решимостью и дерзостью.

«Фелиция» попала в ловушку, увесистые заржавевшие абордажные кошки впились в её планширь, и судно стремительно потащило прямо к галеону. Воздух прорезал отчаянный крик боцмана:

— Берут на абордаж!

Сердце моё пропустило удар, реальность исказилась, оглушая меня гогомом противника и предчувствием жестокой смертельной схватки. Это была моя первая битва, если не считать потасовки с хмельными наглецами в гавани, но там я обходился кулаками, а здесь палили из мушкетов и размахивали саблями.

— Сбрасывай кошки! — рявкнул Скаур, с невероятной силой разрубая саблей канат и отправляя крюк в воду. В ответ с вражеского галеона, похожего на свирепого зверя, приготовившегося к прыжку, ударила огненная вспышка, и свист пуль, прорезав воздух, изрешетил древесину и тела моих товарищей. Смерть танцевала вальс в непосредственной близости ко мне.

Инстинктивно мы пригнулись и прижались к палубе, ища спасения. Скаур и остальные, игнорируя надвигающуюся смерть, продолжали рубить канаты и сбрасывать абордажные кошки, стараясь не дать врагу подтянуть «Фелицию». Воздух превратился в адскую смесь пороха, крови и звериного рычания. Над палубой пронеслась ещё одна волна свинца. Я с ужасом увидел, как пуля настигла Гракка, он с хрипом рухнул на палубу, судорожно сжимая рану на груди.

— Не позволяйте им подтянуть судно! — выкрикнул Рамос, с хладнокровием бывшего бойца, повергая противников точными выстрелами из мушкета. Ещё один залп мушкетных выстрелов с вражеской стороны, и Рамос присел, чудом спасаясь от смертельного шквала пуль. Пираты, будто демоны, вырвавшиеся из преисподней, с молниеносной прытью наматывали уцелевшие канаты с крюками и бросали их по новой, жажда попасть на «Фелицию».

Моё сердце загорелось отвагой, а кровь наполнилась адреналином. Страх отступил перед холодной совестью долга. Я вскочил на ноги, выхватывая из рук раненого матроса лом, и с отчаянной злостью начал сбрасывать мощные крюки, вцепляющиеся за планширь. «Фелицию» неумолимо тянуло к пиратскому галеону, и перестрелка становилась всё ожесточённее. В какой-то миг я перехватил взгляд Кастора, и мне показалось, что я разглядел в его глазах страх.

Грохот, от которого содрогнулась «Фелиция», ознаменовал собой начало абордажа. Пиратский галеон сблизился с нашим бортом, и орда головорезов с нечеловеческой яростью ринулась на палубу, превращая её в поле битвы.

Страх, живший где-то в глубине души, исчез навсегда, уступив место холодной ярости. Я сражался бок о бок с товарищами, обороняя корабль от захватчиков. Передо мной мелькали картины боя: боцман, с безумием в глазах крушащий противников своим тяжёлым топором; лоцман, проворно уклоняющийся от ударов сабель и наносящий стремительные ответные выпады; капитан, хладнокровно стреляющий по врагам из мушкета и ловко рубя саблей.

Палуба превратилась в ад, пропитанный запахом смерти. Кровь хлестала во все стороны, окрашивая деревянный настил в багровый цвет. В какой-то момент я остался один на один с огромным жилистым пиратом. Его глаза горели жаждой крови, а руки сжимали тяжёлую саблю. Я атаковал его с яростью раненого зверя, нанося удар за ударом. Лом с хрустом пробил грудную клетку пирата, и когда он рухнул к моим ногам, захлёбываясь собственной кровью, я увидел Келера — это он помог мне справиться с противником.

Раздался новый залп с пиратского галеона. Несколько наших матросов упали, корчась в агонии. Воспользовавшись моментом, я бросился к борту и вырвал мушкет из рук убитого пирата. Прицелившись в толпу врагов, скопившихся на палубе галеона, я нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, один из пиратов покачнулся и повалился на пол. Тут же раздался ответный выстрел, и я ощутил острую боль в боку. Опустив взгляд, я заметил, что моя белая рубашка стремительно становится алой.

Через дырявые борта корабля, словно плач раненого зверя, доносился плеск волн, смешиваясь со стонами умирающих и хриплым дыханием выживших. Битва длилась недолго...

Отгремели пушки, смолкли мушкетные залпы, утих звон стали. Пираты с галеона, словно стая волков, терзавших свою добычу, добивали раненых защитников «Фелиции», не щадя никого...

Тяжёлые сапоги капитана пиратов с глухим стуком прошли по перекинутому трапу. Его чёрный, точно смоль, плащ развеялся на ветру, а в руках он держал дымящийся мушкет.

Я лежал, прижавшись спиной к брашпилю, чувствуя, как липкая кровь, сочащаяся из раны, пропитывает рубашку и штаны. Один из матросов по имени Филипп, веселый и всегда улыбчивый, лежал рядом, и его грудь больше не вздымалась в такт дыханию. Ярость жгла меня изнутри, заглушая боль. Я видел, как пираты сгребают выживших в кучу на середине палубы — жалкую горстку храбрецов, посмеявших бросить вызов морским волкам. Рамос стоял с гордо поднятой головой, в его глазах, несмотря на усталость и боль, горел огонь непокорности. Рядом с ним, сплевывая кровь и осколки зубов, стоял Риц, его лицо было искажено гримасой ненависти. Чуть поодаль, на коленях стоял Скаур и остальные мужчины.

Когда Эрланд Бакли, так звали предводителя пиратов, шагнул на палубу «Фелиции», все взоры устремились к нему. Высокий, плечистый, он излучал сплошное зло. Его лицо было изуродовано зажившим ожогом, занимавшим большую половину лица, а на месте левого уха зияла пустота — все эти раны были безмолвным напоминанием о последнем столкновении с Императорской флотилией. Взгляд его, острый как клинок, пронизывал насквозь, вселяя ужас в сердца побежденных.

Остановившись напротив Рамоса, Эрланд внимательно оглядел его с ног до головы. На его лице промелькнула улыбка, и в уголках глаз прорезались морщинки.

— Кого я вижу! Рамос, старый бродяга! — прохрипел он, и его голос, грубый и низкий, прокатился по палубе. — Давно не виделись.

— Эрланд «Варвар» Бакли, — не дрогнув, произнёс Рамос, глядя прямо в глаза пирату. — Жив и, как я вижу, почти здоров. Может, поговорим?

Слова Рамоса вызвали смех среди пиратов. Эрланд также улыбнулся, и его улыбка была похожа на оскал волка.

— Ты всегда был мастером дипломатии, Рамос, — произнёс он, делая шаг вперёд. — Но что-то пошло не так сегодня днём, правда? А ведь я хотел просто поздороваться со старым другом.

— Не разглядел я парусов твоих, Эрланд, — спокойно сказал Рамос. — Не сердчай...

— Я решил, что такое приветствие ты оценишь по достоинству, — бесцеремонно перебил пират, вскидывая руки и поворачиваясь вокруг своей оси. Он с удовольствием осмотрел палубу «Фелиции», останавливая взгляд на Рамосе. — Теперь ты хорошо видишь мои паруса?

Рамос расправил плечи, хмуро взглянув на пирата.

— Ты знаешь правила... Я не являюсь владельцем этого товара и давно работаю со многими уважаемыми людьми как на суше, так и в море, и у меня никогда не возникало проблем. Если я не доставлю товар в порт, они перестанут мне доверять. И в этом случае пострадаю не только я...

Корабли начали плавно покачиваться на волнах, и лёгкий ветерок освежил наши лица. Галеон устрашающе хлопал сложенными парусами, стонал и тёрся боком о наш фрегат. Каждая часть его мощного корпуса издавала особый звук: скрип дерева, треск, прерывистый рокот.

Эрланд улыбнулся глазами, а не губами, и медленно сделал пару шагов к Рамосу.

— Я потратил время, чтобы нагнать тебя, наглый ты ублюдок! — прорычал пират, и его глаза угрожающе сверкнули. — Сегодня мы получим всё. Ты потерял половину команды и товар из-за своей упёртости.

Рамос молча смотрел в глаза пирату, а мне хотелось подняться, взять мушкет и выстрелить Эрланду в лицо. Пиратский капитан посмотрел на матроса с татуировкой в виде сторон света на лысом черепе и коротко кивнул. Лысый громила махнул ладонью остальным, и те уверенно направились в трюм.

— Капитан, взгляни на это, — прохрипел один из пиратов, подходя к Скауру. — У нас тут клятый офицер собственной персоной.

— Чёрт побери, это же Скаур Осман! — заржал другой. — Поверить не могу.

Эрланд, прищурившись, взглянул в сторону Скаура, и глаза его заискрились пламенем. Я задержал дыхание, глядя, как пират неспешно направляется к лоцману. Рамос посмотрел на Скаура, а Риц нервно повел плечами, будто стряхивая с них крабов.

— Поверить не могу! Вот так встреча, — Эрланд наклонился, опираясь ладонями о колени, и заглянул в лицо лоцмана. — Это ведь действительно ты, не так ли? Ну, до чего же удачный сегодня день!

Все начали смеяться и отпускать язвительные шуточки в сторону бывшего офицера. Скаур смело посмотрел в глаза пиратскому капитану.

— Полюбуйся на меня, — прошипел Эрланд. — Как тебе, нравится?

— Ты и без этого был уродлив как тысяча чертей, — ответил Скаур.

Капитан рассмеялся над этими словами, а затем выпрямился и ударил лоцмана рукоятью своего мушкета.

Все это время остальные головорезы Эрланда опустошали наш трюм, перетаскивая товар и припасы на галеон. Силы покидали меня вместе с кровью, вытекающей из моего тела. Завалившись на бок, я прижался щекой к залитой кровью палубе, и в этот момент я услышал отчетливый голос в моей голове.

«Пей!» — приказывал голос, и с каждым разом я узнавал его.

«Твоя сила в крови, пей!»

— Нет, — прохрипел я.

— Остатки воды тоже несите на борт, — приказал капитан пиратов и, скользнув взглядом по Скауру, направился к Рамосу. — Я оставляю твою гнилую посудину на плаву лишь для того, чтобы ты ощутил весь вкус своего провального плана.

Эрланд проследил за матросами, которые тащили ящики и поднимали их по трапу.

— Назовём это жестом доброй воли, — усмехнулся Эрланд. — Лишь потому, что ты свой среди чужих.

«Пей!»

— Нет, — я сглотнул и почувствовал, как всё поплыло перед глазами.

— Я заберу твоего лоцмана. У нас с ним старые счёты, — продолжал говорить пират.

Руки Рамоса были связаны за спиной, кулаки сжаты, и он вглядывался в безобразное лицо Эрланда.

«Если ты не будешь пить кровь, ты умрешь. Тебе нужна сила!»

— Иди к чёрту, — громко прорычал я, пытаюсь заглушить голоса в своей голове.

Пираты и остатки команды «Фелиции» устали в мою сторону. Эрланд, чье лицо исказила злобная ухмылка, ступая тяжёлыми сапогами по палубе, приблизился ко мне, лежащему в луже крови. Рядом с ним маячил лысый громила, держа в руке окровавленный кинжал, готовый меня прикончить.

— Щенок оказался крепким, глянь, какая дыра, а он ещё дышит! — хмыкнул громила, откинув носком ботинка край моей рубашки. Эрланд с брезгливостью сморщился, глядя на мои тяжёлые хрипы.

— Нет! — громко крикнул Рамос, вырываясь вперёд.

Пираты тут же схватили его и поставили на колени. Эрланд удивлённо обернулся, и губы его растянулись в медленной ухмылке.

— Обзавёлся отпрыском? — засмеялся он.

— Не убивай, — прохрипел Рамос. — Ты уже достаточно жизнью забрал!

— Хм-м...

Эрланд отошёл от меня, направляясь к Рамосу и задумчиво поглаживая свою бороду.

— Хорошо, — вдруг согласился он. — Все на корабль!

Когда капитан прокричал эти слова, пираты хлынули на палубу своего корабля. Лысый громила грубо схватил Скаура за шиворот, а Эрланд с презрительной усмешкой наклонился надо мной, взял меня за руку и, словно подбитую птицу, закинул на плечо. Остатки команды «Фелиции» с отчаянием в глазах смотрели нам вслед. Помочь нам они уже не были в силах.

Я смутно припоминаю, как нас бросили в корабельные казематы. Всё происходило обрывками. Я видел глаза Скаура, топот, зычный смех, толстую решётку и грузного боцмана, тело которого покрывали шрамы и татуировки. Он швырнул меня в это вонючее, сумрачное место, заковав руки в кандалы.

Боль... Сначала её не было. Точнее, она была, но тупая, размазанная, как густая краска. Но вот, она пронзила меня, острая и злая... Я попробовал пошевелиться, но тело отказывалось. Слабость, как глина, обволакивала меня.

В полумраке промелькнуло что-то тёмное, небольшое. Крыса... Она подбиралась, обнюхивая меня, её усы дрожали. Малюсенькие лапки потянулись к открытой ране, пропитывающей мою рубашку кровью.

«Проклятье! Убирайся вон!», — подумал я, стараясь пошевелить рукой, однако безуспешно. Крыса с удовольствием лизала кровь и кусала рану.

Я закрыл глаза, пытаюсь отгородиться от её мерзкого присутствия, но от этого только сильнее почувствовал её укусы. Меня начало тошнить. Голова кружилась, в горле пересохло, и я понял, что это не просто боль, а мучительная жажда.

Через несколько часов корабль заметался на волнах, и нас начало кидать в разные стороны. Настойчивая крыса скакала за мной.

В полумраке я увидел тусклый свет. Масляная лампа, прикреплённая к древесине, дрожала, как пташка, выброшенная из гнезда. Она скрипела, и казалось, вот-вот разобьётся о переборку.

«Глупец! Ты умрёшь!» — пронеслось в голове.

— Опять ты...

— Адам, — позвал меня голос из темноты.

— Убирайся прочь... я никогда не стану таким, как ты...

— Адам, очнись.

Голос, манящий меня, не являлся миражом. Я с трудом открыл веки, уставившись на лампу, которая неустанно дрожала от тряски.

— Адам! — настойчиво звал голос.

— Скаур...

— Да, Адам. Это я, — обрадовался лощман. — Как ты, шкет?

— Я не знаю. Я не могу шевелиться...

— Держись, — встревоженно произнёс он. — Мы выберемся из этого проклятого места.

Ты только держись.

— Я хочу пить, — прохрипел я.

— Знаю, шкет, — ответил Скаур, — знаю. Потерпи.

Море было беспощадным, швыряя нас из стороны в сторону. Каждый удар волны напоминал о «Фелиции» — о судьбах, унесённых этой жестокой резнёй. Я каждой клеткой своего тела ощущал мощь стихии. Видел призрачные лица погибших товарищей и лица пиратов, искаженные злобой.

Мне чудился их смех, оглушительный и холодный, словно зимняя стужа. Я видел, как вонзаю клинок в плоть одного из пиратов, но он не ощущал боли, его лицо было обречено на вечную ухмылку. Он смеялся над моим бессилием, как будто знал, что я не смогу победить смерть, и он вечно будет преследовать меня в моих кошмарах. Я вонзал клинок ещё глубже, но он продолжал хохотать, как будто был бессмертным. «Ты такой же урод, как и твой отец! Не добились мы тебя! А жаль!» — шептал мне на ухо незримый голос. «Ты не сумеешь убить меня. Ты не справишься». Я был не в силах убить его, я был лишён силы.

Мои руки ослабли, и клинок выскользнул из них, оставшись в теле пирата, который заливался смехом, тыча в меня пальцем. Уставившись на свои ладони, покрытые кровью по локти, я чувствовал отвращение к самому себе и своим действиям. Чем я отличался от тех, кого убил?

По палубе носилась громадная крыса, покусывая трупы мёртвых пиратов и знакомых мне людей. Её глаза сверкали злобой, она держала в своих крохотных лапках плоть и с наслаждением жевала. Я в ужасе огляделся вокруг, глядя, как «Фелиция» качается на волнах багряного моря, а над головой кружат вороны, пронзительно каркающие.

В этот момент что-то промелькнуло сбоку. Я стремительно перевёл взгляд и увидел её. Девушка в белом одеянии, с волнистыми волосами цвета каштана, достигающими пояса. Её руки висели вдоль тонкой талии, а глаза были большими, зелёными, обрамлёнными длинными ресницами. Её губы были чувственными, а красота — неестественной. Я замер, заворожённо глядя на неё.

Она подошла ко мне и, глядя в глаза, протянула ко мне руку ладонью вверх. Взглянув на её запястье, я почувствовал невыносимую жажду. Говоря о жажде, я имею в виду кровь... Я желал впиться в её вены и выпить её кровь до капли, чтобы, наконец, удовлетворить своё желание.

«Пей», — повелела она голосом, полным власти. Моё желание достигло апогея. Я, словно изголодавшийся хищник, схватил её за запястье и впился клыками в её вены.

Кровь была тёплой, как парное молоко. Я ощутил её привкус, зажмурил веки, стиснул запястье, и кровь полилась мне в рот, наполняя меня живительным эликсиром.

Словно под влиянием крепкого алкоголя, меня охватил головокружительный вихрь. Это было подобно резкому переходу от суровой зимы к яркому палящему лету. Я ощущал, как взмываю над землей, паря высоко в небе среди пушистых облаков, обозревая красоту мира с высоты птичьего полета, или резко падаю вниз, прямо в бушующий океан. Кровь закипела в моих венах, наполняя меня невероятной энергией и силой, сопоставимой с тысячей буйволов. Я чувствовал, как мышцы напрягаются, как жизнь возвращается ко мне. Но эта сила была странной, мистической и дарована кровавой тьмой, но мне было всё равно. Я жаждал крови... хотел, чтобы она никогда не иссякала.

Открыв глаза, я уставился на бледный лик девушки. Её уста были чуть приоткрыты, дыхание отсутствовало. Я видел, как сила, которая возвращала меня к жизни, угасает в её глазах, оставляя после себя звенящую пустоту. Мысли, словно запутавшиеся нити, сплелись в единый клубок, который в мгновение ока превратился в чёрное непроницаемое облако. Девушка закрыла глаза и обмякла в моих руках.

Что я сделал? Какую цену я отдал за эту чудовищную силу, за утоление этой жажды! В ужасе я смотрел, как палуба корабля растворяется, как исчезают тела и из темноты капитанской рубки ко мне шагал он.

— Люций! — прорычал я, преисполненный ярости и возмущения. — Что всё это означает?!

Люций остановился, его тонкие бледные губы растянулись в зловещей улыбке.

— Ты все сделал правильно, Адам.

— Нет! — я взглянул на девушку, стараясь привести её в сознание. — Нет!

Вскочив на ноги, я был готов кинуться на вампира, но железные кандалы, сковавшие мои запястья, остановили меня. Холодный металл впивался в кожу, и я понял, что всё это было кошмарным сном. В ужасе я схватился за голову, пытаясь привести себя в чувство и стряхнуть этот морок. Голова гудела, будто в ней гремели тысячи барабанов. Несколько минут я сидел в углу узкого каземата, пытаюсь привести мысли в порядок.

Теснота давила на меня, воздуха катастрофически не хватало. Кругом господствовал мрак, и лишь узкая щель в потолке пропускала тусклое освещение. Как я уже говорил мои глаза быстро привыкали к темноте, я видел очертания стен и ржавых прутьев, отделяющих меня от остального периметра каземата. Прислонившись головой к стене, я вгляделся во мрак соседней камеры. Там было пусто, но я ясно помнил, что там сидел Скаур. Или это мне тоже почудилось?

Встав на ноги, я осмотрелся. Место в моей камере было рассчитано на одного человека, но казематы напротив были шире и там находились ещё люди, заключённые в такую же темницу.

— Скаур! — позвал я, надеясь, что он отзовется. В углу камеры что-то зашевелилось, но никто не отозвался. — Ска...

Внезапно что-то ударило о прутья моей клетки, и передо мной выросло изуродованное шрамами лицо боцмана. Его глаза горели злобой, а рот ощерился в оскале.

— Заткнись, не то скормлю тебя акулам! — гаркнул он и дыхнул на меня гнилыми зубами.

Я отшатнулся, не отводя от него глаз. Неужели всё это было правдой? Неужели я поддался искушению? Нет, только не это! Дрожащей рукой я ухватился за край рубахи и коснулся ладонью раны, пытаюсь почувствовать там хоть что-то. Но моя рана затянулась, кровь уже не шла, и боль испарилась. Значит, Люций был реален! Но там мы были на корабле, и там была девушка! Я вспомнил её красивое лицо, зелёные глаза и то, как они закрылись, когда...

Я почувствовал, как меня пробирает леденящий холод, несмотря на зловонную духоту. Неужели всё это было реальностью? Неужели я тоже стал таким, как он?

Когда люк открылся, и в узком проходе замелькали лица конвоиров, я разглядел среди них Скаура. Тусклый свет освещал лишь фрагменты его лица, избитого до неузнаваемости. Весь он был покрыт синяками и ссадинами, в глазах застыло выражение боли и усталости. Человек, который раньше излучал уверенность и силу духа, теперь казался раздавленным.

Прижавшись к прутьям, я не мог отвести взор от этой жуткой картины. Боцман зашвырнул его в казематы и запер замок увесистым ключом. Скаур, опираясь спиной о холодную стену, тяжело дышал, каждый вдох вызывал болезненную гримасу на его лице.

— Тебя пытали? — спросил я хриплым от гнева и сострадания голосом.

Все мы знали, что когда-то он был офицером и что его жизнь была полна опасностей и приключений. Возможно, эта агрессия по отношению к нему как-то связана с его прошлым.

— А-а-а... Шкет, ты очнулся, — прохрипел Скаур, сплевывая кровь на пол. — Наконец-то, а то скука смертная...

— Они поплатятся за то, что сделали с тобой, — твердо сказал я, сжимая кулаки.

— Отставить необдуманные поступки, — устало произнёс Скаур, осматривая разбитые костяшки рук сквозь узкую щель света. — Иначе они и тебя покалечат. С них не убудет.

— За что они так с тобой? — допытывался я, не в силах справиться с любопытством и желанием помочь.

— Старые счеты, — хмыкнул Скаур, с трудом подавляя боль.

— Расскажи, — попросил я.

— Сейчас не время для сказок, — серьёзно сказал лоцман.

— Эй, шепелявый, говори громче, нам не слышно! — раздался крик из соседней камеры.

Кто-то ехидно захихикал.

— Да, да, говори громче, — проворчали из другого конца.

— Ещё один звук, и я вырву вам языки! — прорычал боцман, и его слова подействовали на всех моментально.

Я посмотрел на лоцмана, заметив его настороженный взгляд, и решил повременить с разговорами. Время потеряло смысл. Холодный, влажный воздух трюма давил на грудь, с каждой минутой становясь всё гуще, как туман, окутывающий разум.

Три дня. Уже три дня мы мучаемся в своих клетках, обречённые на медленное угасание от жажды и голода. Боцман, с его свирепым взглядом и раскатистым голосом, напоминал морского демона, властвующего над нашими судьбами.

Скаура выглядел всё хуже: его кожа приобрела землистый оттенок, а глаза потускнели. Я же, напротив, чувствовал странную энергию, которая была ключом в моих жилах. Меня не мучил голод, не терзала жажда, и моё подозрительное спокойствие пугало меня.

В памяти всплывали яркие, кровавые образы, от которых стыла кровь. Я всё ещё помнил её вкус, помнил каждое мгновение и те яркие ощущения, которые испытал, когда впился в запястье зеленоглазой незнакомки. Я хотел забыть эти образы, стереть их из своей памяти, но они, словно призраки, вновь и вновь возвращались, поглощая меня во тьму. Моя кровь стала моим проклятием, преследующим меня на каждом шагу, и я с трудом сдерживал зверя, который спал в глубинах моей души, ожидая момента, чтобы вырваться наружу.

Но в этом кошмарном мире, где царили страх и отчаяние, мой странный недуг стал для меня неожиданным спасением. Рана заживала с невероятной скоростью, словно сама жизнь боролась за меня. Скаур, не зная истинного положения дел, не раз беспокоился обо мне.

— Как твоя рана, шкет? — спрашивал он хриплым голосом, и мне приходилось лгать, чтобы не вызывать подозрений.

— Болит, — отвечал я, чувствуя, как моя душа покрывается ледяной коркой лжи.

На четвёртый день в трюм спустился лысый громила с квадратным лицом и тяжелой походкой. Он бегло осмотрел клетки, затем его взгляд остановился на мне. Незначительный

кивок, брошенный боцману, сигнализировал ему приступить к действию, и грузный пират с ядовитым блеском в глазах подошёл к моей клетке, звеня связкой ржавых ключей.

— Ты идёшь со мной, — прорычал громила.

Я поднялся с пола и подошёл к выходу из клетки. Боцман снял с меня кандалы, и его увесистая рука, похожая на стальную клешню, сжала моё плечо, подталкивая вперёд.

Прохладный ветерок освежил меня, когда я поднялся на палубу из сумрачного трюма каземата. Звёзды, блистающие на чёрном бархате ночи, казались далёкими и безразличными к моей судьбе.

— Шагай вперёд и не останавливайся! — подтолкнув меня, рявкнул конвоир.

Вокруг суетились пираты, их лица были скрыты в тени, но их хищные взгляды иногда останавливались на мне. Все они до единого желали вонзить в меня клинок и выбросить за борт.

Мы прошли по палубе и остановились перед группой пленных. Стоя на четвереньках, они чистили палубу жёсткими щётками.

— Бери драёк и приступай к работе!

Я помедлил, не желая повиноваться указаниям этого наглеца. В ответ пират схватил меня за воротник и швырнул к прочим пленникам. Падая, я опрокинул ведро с водой.

— Я сказал: бери драёк и приступай к работе! — повторил лысый.

Молчаливый ужас пробежал по лицам пленных. Я, смирившись, взялся за деревянную ручку драйка и начал тереть палубный настил. Напротив меня пыхтел старик с седой бородой и взлохмаченными волосами. Чуть правее копошился более молодой человек с татуировкой якоря, обвитого щупальцами мифического существа. А поодаль, держа в руках швабру, на меня недоверчиво поглядывал третий пленник, парень примерно моего возраста.

— Ты три, три, сынок. Судно любит чистоту. Если плохо драить, оно заболит. Корабельные черви мигом его сожрут, и имя не спросят, — глядя на меня с улыбкой, полной тоски и немного сумасшествия, прошептал хриплым голосом старик.

Я украдкой посмотрел на него, а затем оглянулся, заметив боцмана, стоящего в стороне с тем самым лысым пиратом, который меня сопровождал. Их суровые лица, словно по команде, тут же повернулись к нам, окатывая ледяным взглядом. Отвернувшись, я посмотрел вперёд, где размещалась каюта капитана. Двери в его каюту были украшены резьбой, изображающей морских чудовищ. Резьба выглядела свежей, но в то же время немного потёртой. Похоже, её меняли примерно пять лет назад, так как её состояние немного отличалось от общего состояния корабля.

Пираты иногда были вынуждены менять корабли. Это было особенно актуально после схваток с имперскими галеонами, которые, как правило, были лучше вооружены. Возможно, этот галеон когда-то тоже принадлежал императору, и они переделали его под свои нужды.

Хриплые голоса едва доносились с четвердека¹, пробиваясь сквозь гул ветра и волн, но я прекрасно слышал их разговор.

— Капитан приказал двигаться в сторону Портабелл, — сказал один из них. — Нужно сбыть товар и уладить некоторые дела.

— Как скажешь, — ответил второй.

— В этот раз он нам всё расскажет. А не расскажет — отправим его на корм рыбам.

— Зря тратим время. Ничего он не знает, — ответил пират, голос его был полон презрения. — Сам подумай, на кой чёрт ему плавать на той паршивой посудине, владея таким богатством.

В этот момент моё внимание привлёк лысый громила, который вальяжно прошёл мимо меня, направляясь в каюту капитана.

¹ Приподнятая палуба за грот-мачтой парусного судна.

— Три, три, сынок. Корабль любит чистоту, — бубнил старик.

— Ты не слушай Финна, он давно уже спятил, — усмехнулся второй пленник. — Я Нерон Бельтрами, а там со шваброй — Ассандр.

— Как вы попали сюда? — спросил я, заинтересованно глянув на него.

— Месяц назад мы плыли на торговом судне, которое следовало в порт Бесовера, — полушёпотом начал Нерон, глядя на меня исподлобья. — Но не суждено нам было добраться до туда, так как мы столкнулись с проклятыми пиратами.

Послышался чей-то недовольный рык, и Нерон тут же склонил голову, опасаясь гнева надзирателей. Он продолжил, но уже совсем шёпотом и не глядя на меня.

— Корабль наш пустили на дно вместе с командой, а мы уцелели. Выловили нас из моря, и забросили сюда. Вот уже месяц мотаемся на этой проклятой посудине, и нет конца и края нашим страданиям.

— Где вы были, когда пираты напали? — спросил я.

— Мы попали в штиль, — ответил Нерон. — Не услышали мы ночью, как пираты приблизились, и многие поплатились за это своими жизнями.

Он поморщился, вспоминая о тех страшных минутах и погибших товарищах.

— Проснулись мы от того, что по нам из пушек бьют, — тоскливо произнёс Нерон. — Они не церемонились, убивали всех...

Его голос затих, как будто застрял в горле.

— Они были бессердечны, — закончил за него Ассандр. — Не оставили никому шанса.

Я молча кивнул, осознавая их испуг и припоминая, как напали на «Фелицию» — в точности такая же ситуация.

— Куда мы держим путь? — спросил я Нерона. — Ты в курсе?

— Догадываюсь, — ответил он. — В Портабелл...

— Туда, где много островов и тайных бухт. — добавил Ассандр. — Отличное место, чтобы спрятать награбленное и укрыться от закона.

— Нас выловили из воды, — пробормотал старик. — Нас вытащили из воды, спасли, пощадили...

— Ты бывал там? — спросил я, глядя то на Нерона, то на Ассандра.

— Не-ет... — как-то испуганно ответил Ассандр.

Я посмотрел на Нерона, который остановил свои движения щеткой и задумчиво потёр нос.

— Лучше туда не попадать.

— Три, три, сынок... Корабль любит чистоту!

Глава 3. Портабелл

Скалистый остров с единственной удобной бухтой — Портабелл — безупречно подходил, чтобы укрыться от законников. Скрытая в объятиях бескрайнего океана, бухта представляла собой приют, одновременно опасный и манящий. Отвесные скалы укрывали в своих недрах отъявленных преступников: насильников, убийц, воров и прочую нечисть. Мой родной Шаудэн казался райским местом в сравнении с этим гадюшником. Это место будто переступила нога цивилизации. Тут царила атмосфера хаоса и беззакония. В общем и целом, если вы хотите примкнуть к какой-нибудь банде негодяев или, может быть, наоборот, подбить других на общее дело, то на Портабелле решаются любые пиратские вопросы любыми способами.

Имперские и торговые корабли, двигаясь по своим маршрутам, предпочитали обходить Портабелл стороной. Поговаривали, что в скалах бухты припрятаны сундуки с золотом, наворованные за все время правления Эрланда Бакли по кличке «Варвар». И всё это золотишко манило не только других пиратов, но и обычных купцов и глупцов, которые рисковали своей жизнью ради попытки отыскать богатство. Все их поиски завершались смертью, что вынуждало особо любопытных держаться подальше от рискованного острова. Портабелл, словно пасть чудища, ждала безбожников, заманивая в смертельные сети своими легендами.

Подплывая к отвесным скалам, возвышавшимся к небу, будто исполинские молчаливые стражи, попадаешь в мир, где властвует зло, погружая мореплавателя в утопию насилия и спиртного. На узких улочках, затерянных среди хижин, возведенных из грубо отесанного камня, кипела жизнь. Именно сюда, в самую сердцевину пиратского логова, стекались люди, бежавшие от правосудия, от своей былой жизни, от самих себя. Среди них встречались бывшие рабы, искавшие свободу, но находившие её в компании таких же изгоев, и отчаянные души, запутавшиеся в пучинах своих грехов, ищущие прощения не там, где это обычно ищут.

Портабелл был не просто укрытием для корсаров, но и своеобразным ядром их собственного мира. Здесь решались конфликты, заключались альянсы, рождались новые идеи, которые впоследствии могли перевернуть мир. В тавернах, наполненных дымом и смрадом дешевого рома, пираты делились рассказами о своих подвигах, о потерях и триумфах, о кораблях, ушедших в пучину, и о сокровищах.

Как раз в такой обстановке и на этом клочке суши появился на свет Эрланд Бакли, который прославился в дальнейшем под кличкой Варвар. Его имя имело зловещий оттенок, а слава, созданная в горниле битв, шла впереди него.

Эрланд появился на свет в семье обычного рыбака, где тишина океана нарушалась только криками чаек и шумом волн. Мать его, известная в округе своими познаниями о травах и умением исцелять болезни, передала сыну не только свою силу, но и своё презрение к общепринятым нормам и канонам семейной жизни.

Юный Эрланд с малых лет выделялся недюжинной силой и непреодолимым стремлением к доминированию. В семнадцать лет он попал на пиратское судно, где его жестокость и способность командовать быстро привлекли к себе внимание. В двадцать пять лет он, не раздумывая, устроил бунт, убив капитана и захватив власть над кораблём. С того мгновения начался его взлёт и путь к вершине пиратской иерархии.

Он, как хищник, выслеживал жертву, безжалостно захватывая торговые корабли и осыпая награбленным своих преданных соратников. Его фрегат, стремительный, как дельфин, уходил от преследователей, словно призрак. Вокруг его имени складывались легенды, а его слава, подобно ливню, прокатывалась по всему свету, будоража сердца мореходов и вызывая гнев императора.

Каждая победа приближала его к вершине Олимпа. Но за каждой победой, как правило, таилась своя цена. Именно эту цену он сам выплачивал за свою волю и могущество, будучи

в стоворе с законниками. Несмотря на внешнюю свирепость, Эрланд был человеком, который обожал море и своих людей. Он был пиратом, но пиратом с честью, уважающим кодекс и ясно понимающим, что делало его поступки искусством, а не простым грабежом.

Но жизнь пирата по большей части коварна. И то, что представляется безграничным, может завершиться в миг. Так случилось и с Эрландом. В одном из сражений его фрегат не устоял перед «Альдемарином», вышедшим в море под командованием Верховного Лорд-адмирала Имперского Флота Венедикта Абрассо. Коммодором на тот момент был Скаур Осман.

Венедикт, известный своей твердостью и непреклонной верностью императору, получил приказ преследовать Варвара и доставить его в Блеввер для суда. После трехчасовой погони «Альдемарин», оснащенный грозными орудиями, настиг корабль пирата. Скаур Осман без промедления отдал приказ к залпу, и мощный галеон обрушил на вражеское судно град ядер. Раздался оглушительный грохот, корабль Эрланда разлетелся на части, а сам он, раненый, но живой, был взят в плен.

Поговаривали о том, что трюмы его судна были доверху наполнены богатствами, которые он намеревался переправить в своё убежище, и что теперь все они покоятся на морском дне вместе с обломками его корабля. Некоторые даже уверяли, что Венедикт после пленения пирата завладел этими кладами. Однако никаких подтверждений этим легендам не имелось, а выжившие матросы посчитали своим долгом хранить молчание.

В Блеввере пирата заключили в темницу, где он ощутил на себе всю суровость закона. Побои, голод и унижения стали его будничной реальностью. Но Эрланд, закалённый в морских бурях и схватках, не собирался отступать. Он вынашивал план отмщения, строил козни, а его гнев был подобен нарастающему шторму.

Когда приговор — смерть через повешение — был оглашен, Варвар в тот же вечер пропал. По городу пронеслась тревога. Гвардия императора была пущена по следу, но след его исчез. Какое-то волшебство, подкуп караульных, хитроумный план — версии множились, но разгадка загадочного исчезновения Эрланда так и не была найдена.

Спустя шесть лет, словно гром среди ясного неба, Варвар вернулся в Блеввер. Его судно, оснащенное тридцатью мощными орудиями, под покровом ночи беспрепятственно зашло в порт и обрушило на город шквал огня. Здания рушились, улицы покрылись дымом и пламенем. Горожане, охваченные ужасом, молили о спасении. Император не был готов к столь дерзкому появлению пирата и не сумел дать достойный отпор. Город понёс колоссальные убытки. Улицы заполнились ранеными, а сердца людей — гневом.

Варвар поднял паруса и вновь, как привидение, покинул порт города, оставив после себя руины и страх. Пожар, разорение и ужас, которые он принёс, запомнились жителям Блеввера навеки. И ещё долго они передавали друг другу рассказы о своём чудесном спасении. Но, как и в первый раз после его исчезновения из каземата, никто не смог объяснить, как он сумел незаметно проникнуть в порт, устроить столь мощную атаку, а затем исчезнуть в морской глади.

Опять «Альдемарин» поднял свои паруса. Венедикт, не примирившийся с бегством пирата, вновь отправился на его поиски. Они выследили Эрланда, но не учли, что хитрый Варвар к тому времени уже заручился содействием среди пиратов, и некоторые служители закона из команды корабля были подкуплены, поэтому «Альдемарин» проиграл сражение. Великий флот был разгромлен, лишь часть команды избежала гибели.

Вся эта история была покрыта различными сплетнями и по истине мифическими переказами о том, кем являлся Эрланд и кому он продал свою душу за такое везение. Хитрейший ум, бесстрашие, тайные связи с влиятельными силами, земными и потусторонними. Что именно способствовало его удаче, оставалось загадкой. Кое-кто верил, что он был спасён чародеями, другие — что его корабль находился под защитой дьявола. А некоторые, более разумные, говорили, что сам император покровительствовал пирату, скрывая его истинную цель и используя его в своих политических играх.

Варвар захватил «Альдемарин» как трофей и полностью переделал его под себя, превратив галеон в корабль-призрак. На несколько лет после того сражения с законниками галеон пропал из виду, скрываясь в безбрежном море. Наступило затишье до того момента, когда в пьяном угаре боцман, служивший Варвару, не разговорился с хитрым пиратом в таверне и не узнал, что бывший коммодор Скаур Осман, служивший когда-то в Имперском флоте, всё ещё жив и даже служит на торговом судне под названием «Фелиция».

Вот уже месяц Эрланд, словно сыщик, бороздил океан, выискивая «Фелицию». И вот она показалась на горизонте. Паруса её раздувались под порывами ветра, мощный киль противостоял волнам. Настигнуть резвый фрегат им не удалось. На полном ходу «Фелиция» была намного проворнее, и просто взять её на abordаж не вышло бы. Пришлось отступить и разработать новый план. Вечером того же дня стихия сама всё уладила, что не удивило Эрланда, верившего в высшие силы, или точнее, знавшего об их существовании благодаря матери.

Погодные обстоятельства, как всегда, весьма своевременно приходили ему на выручку, и ближе к ночи «Фелиция» попалась. Пьяный пират не обманывал, и Скаур Осман, в самом деле, отыскался среди команды. А ещё там был парнишка... Взглянув на него, Варвар ощутил холод, пробежавший по спине. Юноша лежал в луже собственной крови, вытекающей из огнестрельной раны в боку. И мало того, что он не собирался умирать, он ещё и пребывал в сознании, что-то бормотал и даже пытался дотянуться до мушкета. Что-то в нём было дьявольское, мрачное. Его кровь, которая должна была стремительно сочиться из раны, текла размеренно, будто вышла прогуляться из его тела и через некоторое время собиралась вернуться назад.

Мальчишку с Османом бросили в казематы судна. Груз перетащили в трюмы «Альдемарины» и отправились в Портабелл.

Рамос Кантор был известной фигурой среди пиратов. Он снабжал товаром не только купцов, но и суда, ходящие под чёрным флагом, и имел репутацию человека чести, свой среди чужих. Но даже это не уберегло его от ярости Эрланда. Отпустить Рамоса просто так он не мог. Пришлось немного потрепать его команду. Да и корабль пусть постоит в доках некоторое время, если, конечно, доплывёт до них.

Пришлось поторопиться, чтобы успеть в Портабелл до заката. Море гневало, бухта встречала их недружелюбно. Тучи сгустились, молнии разрывали небо, а ливень с грохотом обрушился на палубы. «Альдемарин» встал на якорь, гордо покачиваясь на волнах и выдерживая натиск стихии. Команда спустила шлюпки, перегрузила товар, забранный с «Фелиции», и в два захода переправила всё на пирс. Потом шлюпки вернулись за пленниками и капитаном.

Сна не было, да и я, казалось, не особо в нём нуждался. Втиснувшись в угол, я поглядывал на спящего лоцмана, обдумывая, как вырваться из лап пиратов. Один я не уйду, Скаура не брошу, не предам. Его самочувствие с каждым днём ухудшалось. Он всё реже говорил, всё чаще спал, просыпаясь только для того, чтобы глотнуть грязной воды.

Мои новоиспеченные соседи по несчастью тоже помалкивали, изредка шевелясь и протягивая худые руки к миске с водой. Каждый проведенный день на этом корабле казался вечностью, каждая минута — мукой. Я приноровился чувствовать, когда наступает утро, когда заходит солнце, и молился, чтобы меня не выводили на палубу в солнечный день. Нас и не выводили, будто слышали мои молитвы. Драили палубу мы по вечерам, и мысленно я был им признателен.

Почувствовав, что галеон встал на якорь, я прислушался, стараясь разобрать слова, доносящиеся сверху. Услышав, как кто-то упоминает Портабелл, я немного воспрянул духом, предчувствуя перемену обстановки. Неужели мы сейчас попадем в ту самую бухту, куда лучше не показываться, по словам Нерона?

Солнце уже садилось, когда я услышал металлический звон — и в узком проходе каземата показались несколько моряков, которые шли в нашу сторону. Их лица были покрыты пятнами грязи и пороха, а в глазах читалось презрение. Возглавлял этот угрюмый отряд лысый детина с татуировкой на макушке.

— Открывай! — рявкнул он, обращаясь к старому пирату, недавно занявшему пост.

— А? — пробормотал старик, сонно потирая глаза.

— Я сказал, отпирай, дряхлый болван! — рявкнул лысый, подкрепляя свои слова грубым пинком, который мигом вернул старика к действительности.

— Чтоб вас всех пробрала морская лихорадка! Проклятые черти! — выругался пират, вскочив на ноги и звеня ключами.

Лысый извлёк саблю и принялся бить ею по прутьям наших камер. Звонкий стук клинка внезапно рассёк тишину, и во рту возник противный привкус ржавчины и соли.

— Подъём, лентяи! — проревел он.

В углах зашевелились люди, отпугивая крыс, которые уже успели комфортно пригреться у наших боков.

Скаура, тяжело вздохнув, встал и покинул камеру, встав впереди меня. Вонь от нас стояла такая, что запросто можно было в воздухе повесить клинок. Мы были измождены работой, лишены нормальной пищи и непрерывно пребывали в ожидании кончины.

— Вперед! — скомандовал лысый, и мы пошли к трапу.

На палубе я встретился взглядом с Эрландом, и тот, нахмутив брови, отвёл взгляд в сторону, что-то шепнув боцману.

— Шкет, что бы ни произошло, знай, я не брошу тебя, — тихо сказал Скаур.

— Знай, что и я тебя не оставлю, — ответил я.

Скаура обернулся, с одобрением взглянув мне в глаза. Я ощущал его поддержку и в этом не сомневался. И тут же его увёл жилистый пират.

Нас посадили в разные шлюпки, и в мою сел сам Варвар и его боцман. Капитан опять как-то странно посмотрел на меня, и мне стало не по себе. Я смотрел, как шлюпка с Османом направилась к причалу, а мы поплыли вдоль отвесных скал.

— Ты когда-нибудь бывал в Портабелл? — спросил Эрланд, пронзительно глядя мне в глаза.

— Нет, — ответил я, покосившись на боцмана, ловко орудующего веслами.

— Много потерял, — оскалился в улыбке Эрланд. — Бичер, поднажми. Темнеет, матушка не любит, когда её беспокоят по ночам.

— Есть, капитан, — хрипло ответил лысый громила.

Таинственная бухта, укрытая за густыми тропическими чащами, приветствовала нас своей дикой красотой. Вдоль берега виднелись корни пальм, похожие на огромные когти загадочного зверя, омываемые волнами, а кроны, склоняющиеся над песком, как будто преклоняли перед нами свои головы, приглашая прогуляться по таинственным тропам. Когда шлюпка набрала ход, я почувствовал, как волнение сменяется чувством дикого любопытства.

Шлюпка плавно врезалась в песок, Бичер выскочил за борт и без труда подтянул её на берег. Узкая дорожка, ведущая в тропические заросли, в прямом смысле слова манила меня своей загадочностью. Чем дальше от берега мы отдалялись, тем больше менялась звуковая обстановка. Диковинное щебетание птиц и зверей, жужжание насекомых, внезапный шелест кустов. Казалось, что все эти насекомые и звери летают, стоят, лежат или ползают прямо у моих ног.

С каждым шагом мне становилось всё труднее двигаться. Странное беспокойство охватывало меня. Отчего? Я и сам не осознавал... Всё это время Эрланд поглядывал на меня с тем же странным интересом.

Когда, в конце концов, тропинка закончилась, мы подошли к хижине, весьма ветхой и накренившейся, окружённой черепами и костями зверей, разукрашенными странными знаками и рунами. Моё сердце застучало быстрее, ощущая чудное притяжение и волнение, которое я не мог постичь.

Эрланд остановился, глянув на Бичера, и тот отошёл в сторону. Я проводил его взглядом, потом посмотрел на капитана пиратов.

— Ты не должен этого видеть, — сказал он и размотал алую бандану с запястья.

С завязанными глазами он направил меня к хижине, и когда мы подошли к дверям, я застыл. Мои ноги не хотели идти дальше, тело не слушалось. Сердце забилося в груди, и я вновь почувствовал жажду — ту самую жажду крови, что испытал в своих видениях.

Эрланд находился позади меня, не подгоняя. Сконцентрировавшись, я преодолел оцепенение, усмирив свою жажду и шагнул вперёд. Звуки природы за дверью, казалось, стали громче, а обстановка внутри наполнилась загадочной вибрацией. Когда дверь со скрипом захлопнулась, моё сердце забилося сильнее, а жажда крови, которую я чувствовал в своих видениях, стала более явной.

— Ты привёл ко мне зло, сынок...

— Значит, я не ошибся, — ответил Эрланд.

— А-а-а! — по-старчески застонала старуха.

Я слышал, как она поднялась и, шаркая ногами, подошла ко мне. Внезапно все мои желания и мысли исчезли. Она протянула ко мне морщинистую руку, коснулась моей груди, и резкая боль пронзила моё сердце.

Ощущение было, будто она вонзила свои когти и сжала моё сердце в кулаке. Мгновенно перед глазами пронеслись картины моей жизни с момента, когда меня разбудила мама, до момента, когда я перешагнул порог этой хижины. Моё тело как будто вспыхнуло огнём, и, стиснув зубы, я рухнул перед ней на колени, не сдержав стон. Эрланд наблюдал за нами со стороны, внимательно следя за происходящим.

— А-а... Кровопийца... — крехтела старуха.

«Убить кровопийцу!», «Сжечь его логово!» — голоса из прошлого гудели у меня в голове.

— Демон во плоти, — продолжала старуха.

— А-а! — застонал я от боли.

— Его сердце пока ещё бьётся, но душа уже во тьме. Он ещё не вкусил человеческой крови наяву, — продолжала старуха. — На мальчишке клеймо дьявола... Грязная кровь...

— Он поможет нам? — спросил Эрланд.

— Нет, — твёрдо сказала она. — Убери его из моего жилища, сынок. А лучше убей, пока ещё не поздно.

Поражённый её заявлением, Эрланд уставился на мать. А та отвернулась и направилась в глубь хижины. Эрланд вывел меня на улицу и передал Бичеру.

— Запри их в камеру и расплатись с трактирщиком. Мне нужно поразмыслить.

Бичер молча схватил меня за предплечье и повёл к берегу. Я слышал, как Эрланд вернулся к матери, как он приглушённо пререкался с ней, что-то доказывая. Как бы я ни старался отогнать свои мысли, но я жаждал крови и буквально чувствовал, что способен разорвать верёвки на моих руках, но мне не хватало именно тех сил, которые мне могла дать кровь. При этой мысли мне стало противно от самого себя. Опять эта ярость...

Бичер подвёл меня к шлюпке, убрал повязку с глаз и сунул её в карман. Наши взгляды пересеклись, и я разглядел в его глазах опаску.

— Садись в шлюпку, — приказал он.

Я уверенно влез в шлюпку и уселся на дно лодки. Не сводя глаз с меня, Бичер оттолкнул её, вскочил внутрь, сел и взялся за вёсла.

Остальные пленные со связанными руками сидели на причале вдоль бочек, ожидая нас. Скаур взглянул на меня встревоженным взглядом, и я едва заметно кивнул ему. Меня грубо швырнули на деревянный настил рядом с Нероном.

— Ты с ними заодно? — тихо шепнул Нерон, так, чтобы слышал лишь я.

Взглянув на него, я намеревался возразить, но не успел. Боцман взмахнул дланью, и нас всех подняли и повели с причала в сторону поселения.

Перед нами простиралась узкая улочка, усыпанная ветхими лачугами с разбитыми окнами и обломками всякой утвари. Воздух пропитывал смрад гниения и выжженного дерева. Люди в грязной одежде бродили меж хибар, о чём-то бубня и жестикулируя. По всей видимости, это было самое сердце Портабелл.

Слова Нерона об этом месте подытоживали всё, что здесь творилось. Лучше сюда не попадать. Вопли, стоны, хохот, потасовки, звон стекла, смрад, грязные улицы, трупы — всё это разом умудрялось помещаться на этом маленьком клочке земли. Если вы затеряетесь в толпе, то сгинете в считанные минуты. И никто не станет вас искать, потому что вас, скорее всего, за несколько монет и щепотку табака убьют этой же ночью.

Нас привели в маленькую комнату, переделанную под камеру, примыкающую к задней стене таверны. Место это было, само собой, запущенным, как и всё вокруг. Воздух с трудом проникал сквозь узкие решётчатые окна и всё вокруг напоминало о тяжёлых временах расцвета работоторговли.

— Куда они тебя уводили? — осведомился Скаур, присев возле меня.

Его вопрос застал меня врасплох, я медленно опустил локти на колени, неуверенно взглянув на Скаура. Как мне преподать эту информацию? Как сказать, что в моём роду есть нечто, что отличает меня от остальных? Как объяснить, что в моих венах течёт «грязная» кровь и порой мне хочется выпить чистой?

— Там была хижина. И старуха, — наконец промямлил я, отводя взгляд в сторону Нерона, Финна и Ассандра.

Скаур уставился на меня, ожидая дополнительных объяснений, но не задавал лишних вопросов.

— Она говорила какую-то путаницу. Я и половины не понял, — продолжил я лукавить.

— Странно, — ответил Скаур.

— Зачем они привели нас сюда? — спросил я, меняя тему.

— Большинство из нас будет продано на здешнем аукционе завтра утром, — серьёзно произнёс Скаур.

— Когда мы сможем вернуться на корабль? — спросил Финн. Все посмотрели на него.

Таверна постепенно наполнялась людьми. Сперва играла музыка, женские голоса и смех заполняли залы. Но ближе к третьему часу ночи мы услышали брань, а вскоре началась потасовка. Мы сидели в этой конуре, измученные и голодные, всё так же без воды, еды и веры в спасение. После того сна на судне мой голод перерос в существенную проблему. Я не мог не думать о крови... Я чувствовал, как она струится по венам сидящего рядом со мной Скаура. И неоднократно ловил себя на мысли о том, как впиваюсь в его артерию. Вспоминал то наслаждение, которое я испытал от вкуса крови той незнакомки, и желал вкусить её вновь.

Мне было жаль людей, окружавших меня, угодивших в эту безвыходную ситуацию. Особо жутко выглядел Финн: как скелет, истощенный и бледный, он сидел в углу, шмыгая носом. Что-то надо было предпринять... Но что и как? Даже если нам удастся вырваться из этой клетки, куда мы пойдём? Нерон и Ассандр казались более готовыми к схватке, но Финн... Этот хрупкий старик выглядел совсем беспомощным.

Мои раздумья были прерваны внезапным звуком музыки, прорывающимся сквозь открытую дверь таверны. Неожиданно два грубых пирата выскочили на улицу. Громко хохоча и вытирая кровь из разбитых носов, они подошли к стене и начали бесцеремонно поливать её мочой.

Я увидел, как Скаур, стоя у двери, с прищуром наблюдал за ними сквозь узкие щели решетки. Покусывая разбитую губу, он о чем-то усердно размышлял.

— Это наш шанс, — сказал он.

Я осознал, что он подразумевает, и был согласен на что угодно, лишь бы избежать встречи рассвета, заточённым в этой темнице. Пираты справили нужду и собирались уходить.

— Эй, неудачники, — громко сказал Скаур.

Их пьяный хохот оборвался, они обернулись, чтобы взглянуть, что за храбрец обращается к ним.

— Я к вам обращаюсь, кальмарьи кишки, — продолжал их поддразнивать Скаур, просовывая пальцы сквозь прутья.

— Надеешься на быструю смерть? — ухмыльнулся один из пиратов.

— Я, конечно, выгляжу неважно, и вряд ли вы, остолопы, меня сейчас узнаете. Но фамилия Осман наверняка освежит вам память, — сказал Скаур, прижимая лицо к клетке.

Пираты неспешно приблизились, стараясь рассмотреть его лицо сквозь решётку. Один из них поднёс масляную лампу к лицу Скаура.

— Чтоб меня пучина проглотила, — это же Скаур Осман, — произнёс пират, осматривая лицо лоцмана.

Второй выхватил из рук товарища лампу и пристально осмотрел ухмыляющегося мужчину.

— Сто акул в глотку! Это правда он!

Они обменялись взглядами и в их головах закрутились шестерёнки.

— Это в самом деле ты? — нерешительно спросил один из них.

— Твои глаза не обманывают тебя, бродяга, — ответил Скаур.

— Ты же сдох! — с прищуром прохрипел беззубый пират.

— Если я сдох, тогда и ты тоже, дружище, — усмехнулся Скаур.

— Чёрт возьми... как ты очутился здесь? — ухмыльнулся беззубый пират, дыхнув дешёвым пойлом.

— Попутным ветром занесло, — ответил Скаур. — Не хочешь помочь?

— С какой стати мне тебе помогать? — с вызовом взглянул на него пират.

— А ты сам поразмысли. — Скаур отошёл от клетки, многозначительно взирая на пирата.

— Ты ведь здесь не просто так, — хрипло сказал беззубый.

Скаур усмехнулся, и его глаза сверкнули авантюрой.

— Я здесь, чтобы завершить то, что началось давным-давно, — загадочно проговорил он. — И вы можете стать частью этого приключения или остаться в стороне, выбор за вами.

Пираты опять переглянулись. На их лицах проявилась заинтересованность и желание ввязаться в эту опасную авантюру. Они отошли в сторону. Скаур усмехнулся, глядя им вслед. Немного побеседовав, пираты вернулись в таверну с озадаченными лицами и уселись за стойку.

— Налей мне чего-нибудь, горло смочить, — произнёс беззубый пират.

Хозяин таверны неспешно плеснул пойло в грязный стакан и подвинул его к пирату. Внезапно рука пирата метнулась вперёд, схватив трактирщика за одежду.

— Ты в курсе, кто у тебя на задворках сидит? — прорычал пират прямо ему в ухо.

— Какие-то бродяги, — неловко пожал плечами мужчина.

— Какие-то бродяги? — сжал его за ворот пират. — Кто их доставил?

— Это узники Варвара, — повёл он бровью.

— Эрланда Варвара? — переспросил пират.

— Его самого, — по-дурацки открыл рот трактирщик. — А что?

Пират ослабил хватку и похлопал его по плечу.

— Если ты решишь открыть свой рот, я тебе глотку перережу, — угрожающе произнёс пират, залпом опрокидывая пойло.

Трактирщик кивнул и вытер засаленные руки не менее чистой тряпкой и таинственно усмехнулся. Гудение пьяных разбойников заглушало их беседу. Аромат отвратительного пойла и пота примешивался к запаху рыбы, чеснока, лука и соленого моря, проникающему сквозь ветхие стены таверны. Разношерстный контингент продолжал своё бессмысленное существование. А за окном снова прогремел гром и начался сильный ливень.

Бичер отлично понимал опасности, сопряженные с оставлением пленных на ночь в казематах таверны. Однако капитан был непреклонен и желал доставить Скаура к старухе, чтобы та вытрясла всю истину из этого скользкого ужа. А тут ещё этот загадочный мальчишка, чтоб ему пусто было! Что Эрланд в нём нашёл? Хотя, если откровенно, Бичер почему-то чувствовал необъяснимый страх, глядя на этого сопляка. Что-то с ним было не так...

Каждый раз после визита в эту проклятую хижину у Бичера сводило живот, и мурашки бегали по спине. Старухе было лет восемьдесят, не меньше, но она выглядела так, будто прожила и всю сотню. Встречи с ней были для Бичера краткими, а вот капитан пропадал там днями и ночами. При воспоминании о старухе пират машинально повёл плечами, пытаясь отделаться от навязчивого морщинистого образа.

Покинув второй этаж таверны, предлагавшей ночлег на грубых койках, Бичер с отвращением оглядел беспорядок, царивший внизу, и направился на улицу. Вновь пошёл ливень: капли барабанили по ветхим крышам, а по грязным тропам потекли ручейки. Хотелось щёлкнуть пальцами и оказаться где-нибудь в Блеввере, попивая ром в чистом порту. Бичер остановился, чтобы отлить, справив нужду, он спрятался под крышу и достал трубку с табаком. Внезапно за его спиной раздался голос:

— Табачком не поделишься?

Пират мгновенно выхватил кинжал, но незнакомец оказался проворнее. Клинок пронзил его бок, уверенно продолжая движение и лишая беднягу шансов на спасение. Он тихо застоялся и рухнул, схватившись за рану. Ловкая рука нашла ржавый ключ в его кармане и извлекла его. Бичер, ещё не понявший, что его жизнь уже окончена, пытался дотянуться до своего кинжала, упавшего в грязь, но каждое движение становилось всё слабее, пока перед его глазами не потемнело. Спустя минуту его душа отбыла в неизвестность, оставив тело бездыханным на грязной земле.

Утренний свет уже забрезжил сквозь листву, когда мы услышали скрежет ключа в замочной скважине. Этот звук заставил нас содрогнуться, и все мы приготовились к любым возможным сюрпризам. Скаур мгновенно вскочил на ноги и подбежал к двери. За ним последовали мы, напряжённо ожидая, что случится дальше. Когда дверь резко распахнулась, перед нами возникли дула мушкетов, нацеленные прямо на нас.

— Быстро, наружу! — скомандовал беззубый пират, уступая нам дорогу и держа нас на прицеле.

— Спокойно, спокойно, — Скаур неспешно поднял ладони в знак покорности и даже улыбнулся, стараясь разрядить обстановку.

Я не отрывал взгляда от второго пирата, который пристально смотрел на Османа, и это дало мне возможность атаковать его неожиданно.

Решительно кинувшись вперёд, я ловко проскочил ему в ноги и свалил на пол. Скаур и Нерон незамедлительно накинулись на другого пирата, который на секунду лишился бдительности и отвлёкся на меня. В следующее мгновение прогремел выстрел, и Скаур нанёс несколько сильных ударов по челюсти пирата, выбивая ему остатки зубов. Я моментально выхватил кинжал из ножен поверженного мною противника и стремительно перерезал ему горло. Кровь забрызгала мои ладони, заставляя меня на мгновение замереть, уставившись на них.

— Бежим! — закричал Скаур, схватив меня за рукав. — Адам, уходим!

Я поднялся на ноги, схватив второй мушкет и извлекая порох и свинец из пояса убитого мною пирата. Мы выскочили на улицу, озираясь кругом, слегка растерявшись, куда бежать дальше. Из таверны уже выбежал кто-то из команды Эрланда. Взор его метался по сторонам, пока, наконец, не отыскал нас. Он моментально прицелился в мою сторону и, не ожидая выстрела, я ринулся в закоулок. За мной бросился Ассандр.

Раздался выстрел. Пуля просвистела, вонзаясь во что-то с хрустом. Я обернулся и увидел, как Ассандр опустился на колени, а затем повалился на бок. Кровь прерывистой струйкой потекла из раны на затылке.

— Ему уже не помочь! — крикнул Скаур, пятясь назад, затем он развернулся и продолжил бежать.

Нерон тоже присоединился к нам. Старичок Финн даже не успел осознать, что случилось. Он всё ещё находился в клетке, когда мы убегали. Медленно встав на ноги, он направился к двери. Улыбка играла на его лице. Переступив через труп пирата, он коснулся сухими ладонями дверного косяка и выглянул наружу. Пираты, вывалившиеся на улицу, сразу направились в сторону каземата, где заметили немощного старика. Один из них направил в улыбающееся лицо бедняги Финна дуло мушкета.

— Куда все разбежались? Кто же судно будет чистить, — произнёс старик, глядя на него.

— Никто. Ты свободен, — сухо ответил пират и нажал на курок.

В бледном лбу Финна образовалась дыра, и он медленно завалился на спину.

Ливень, как будто играя роль сообщника в нашем бегстве, разразился с такой силой, что вряд ли можно было что-либо разглядеть впереди. Мы вслепую неслись по узким улочкам, петляя в их многочисленных изгибах. Но наш удачный побег был прерван, когда двое пиратов атаковали Скаура, вынудив меня вступить в схватку. Я мгновенно выхватил нож и кинулся к одному из нападавших, но мои намерения были прерваны. Сильная рука схватила моё запястье, заставив бросить нож, а затем удар кулаком повалил меня на землю. Лежа на мокрой земле, я уставился в небо, из которого неумолимо лил дождь, смывая кровь из рассечения на скуле.

Уродливое лицо лысого громилы нависло надо мной. Его ладонь ухватила меня за грудь, приподнимая, чтобы опять сокрушить ударом. Но в последний миг я заметил нож на его поясе и, схватив его, вонзил в грудь нападавшего. Громила, казалось, даже не ощутил боли. Отпуская меня, он удивленно уставился на нож. Ухватившись за рукоять, он резко вынул его из груди и бросил в сторону. Затем он возрился на меня, выражая невероятную ярость, и я, истекая кровью, схватил лопату, служившую подпоркой для двери какой-то хижины, и с размаху ударил его по голове. Громила пошатнулся, удерживаясь за голову и пытаясь восстановить равновесие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.